

В. В. Щербakov

ЗАКОНОПОСЛУШНЫЙ ГРАЖДАНИН

сборник рассказов

Владлен Щербаков
Законопослушный гражданин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24117380

Аннотация

Околополитические рассказы разных лет. Присутствует ненормативная лексика.

Законопослушный гражданин

Околополитические рассказы разных лет

Пчелы Фантомаса

«Президент РФ Владимир Путин выразил недовольство качеством жилищно-коммунальных услуг в стране, выступая на конференции ОНФ в четверг. Он признался, что даже у него иногда течет из крана ржавая вода».

–Я очень давно уриротерапией занимаюсь, – жизнерадостный Фантомас не обращал внимания на улыбки зрителей.

–Поначалу даже жене не говорил – она скептик большой. Действительно, человека, который не понимает механизма, как это действует, как это можно от чего-то излечиться с помощью приема мочи, которая выбрасывается на самом деле, трудно убедить словами.

Крупный холеный мужчина сидел на низком диване, объектив телекамеры постоянно натыкался на широко раздвинутые ноги.

–Я изменил питание, рецепт кое-какой припомнил, – продолжал убедительно гэкать адепт народной медицины. – Стал я упаривать продукт свой, запаха не стало, вкус совсем изменился. Жена несколько лет пьет, у нас медовый месяц каждый год, возраст словно назад повернулся.

–Когда у нас леса горели, мне за 200 верст в заповедник приходилось каждый день ездить. – вещал на всю страну веселый знахарь. – Непросто это с полным баком «топлива»,

ха-ха-ха. Я на полянке баночку наполню, на солнышко поставлю, моча выпаривается, пчелки на нее как на мед собирались.

Ведущая дневной передачи о здоровье откинула волосы и возбуждающе засмеялась...

– Знала бы ты, Аленушка, какие люди моими снадобьями пользуются! – Геракл положил длань на полнеющую, но очень аппетиную жопку своей спутницы. Они спустились в кафе позавтракать.

Вечно надутые губки Алены кокетливо улыгнулись.

– Кто же, Геракл Проклович?

– А это секрет. Государственный! – понизил голос тезка полубога.

«Амброзия, чистая амброзия!» Аккуратный человечек склонил голову направо, по-детски наивные глаза устремились в седину сентябрьского неба. Бабье лето еще хранило в воздухе частички смога.

«Ничего Володя не понимает!»

Бронированные стекла открывали вид на бесконечный поток автомобилей и не выпускали кондиционированный горный воздух.

Мужчина на уровень глаз поднял бокал с янтарной жидкостью, солнечный лучик подмигнул ему.

Улыбнувшись своим мыслям, человек посмаковал содержимое бокала, через минуту поставил его на стол. Взял неброскую бутылку с криво приклеенным обрывком тетрад-

ного листа. На самодельной этикетке крупными кривоватыми буквами было написано: Геракловка+, лечебное действие – 48 часов.

«Хоть и просроченная немного, а какой эффект, летать хочется, эрекция, как у пятнадцатилетнего негра.»

Последняя – пришла горькая мысль.

–Наталья Алексеевна, зайдите, пожалуйста! – приказал в микрофон на столе.

Неслышно открылась дверь, мягкий ворс ковровой дорожки скрыл шаги пресс-секретаря. Молодая женщина подошла, но не смогла поднять взгляд.

–Не нашли.– догадался хозяин кабинета.

–Мне придется тебя наказать! Причем сейчас же!

Женщина виновато и с облегчением улыбнулась, подошла к столу, сделала попку краником, оглянулась из-под челки: через разрез юбки было видно, что трусиков она не носит...

В заповедных лесах Подмосковья уютно спряталась белокаменная усадьба. Купец Рублев знал, где выбрать место для родового гнезда. В километре через сочный лужок сверкала рябью синяя речка. Пчелки – божьи созданыя собирали пыльцу с ромашек и клевера. Мерно жужжа, несли свою добычу в круглые улья. Кажется, появится сейчас пастушок с потрепанным кнутом на плече, сложит ладошки и крикнет...

–Где этот ****ый Фантомас?!– комиссар Жюв был похож на рассерженного Винипуха,– с поличным взяли?

Сам Юлий Никандрович представлял себя этаким Жегловым. Кожаный плащ должен был подчеркивать справедливую суровость его действий.

– Не успел ссаки свои расплескать! – кровожадно усмехнулся начальник СБ. – Мальчишки его сразу нашли по запаху, руки заломали, даже натурой стал расплачиваться.

– Обоссался от страха, – объяснил на вопросительный взгляд.

Мужчины шли по подвальному коридору. Толстые стены, низкие потолки в середине прошлого века слышали много подобных речей.

Главный телохранитель Винипуха-Жеглова предупредительно толкнул дверь в конце коридора.

– Как, парни, не подох еще?

Два шкафчика в белых рубашках с засученными рукавами оторвались от своего занятия. Дисциплинированно расступившись, позволили убедиться в исправности своей работы.

Оголенный по пояс знахарь был привязан к тяжелому стулу. Плотное тело маслянилось от пота. Голова безвольно упала на синеющую грудь. Резко пахло мочой, совсем не похожей на амброзию.

– Они чего с ним сделали? – возмутился хозяин усадьбы. – Я же приказал – не уродовать. Без меня.

– Все в порядке, шеф, – один шкафчик раскрыл дверцу.

Услышав смутно знакомый голос, пленник поднял го-

лову, но заплывшие глаза не смогли точно вычислить шефа. Геракл скороговоркой забормотал:

–Я же всего две баночки. Они очень просили, даже не за деньги, в Колумбию, говорили, поедешь, вуду научим.– из разбитых губ пузырились слюни.– Я вам сколько надо теперь, только по почкам не бейте, пожалуйста, – заплакал страдалец.

–На*уя мне твои баночки, клизма ты рваная! Сюда смотри! – Юлий Никандрович сунул под нос кулак и разжал короткие пальцы. На ладони лежало мертвое черно-желтое тельце.

–Ты знаешь, коновал, сколько она стоит? Это – матка! Она дороже, чем вся твоя телеаптека! А знаешь, почему она пчелок не рожает? Потому что мочи твоей ослиной нанюхалась! Ты, падла, мне всю пасеку угробил!

Суровый пасечник втер труп пчелы в деформированное лицо оппонента.

–Шеф, он все какой-то Наташке буровит позвонить. Может, его того, на скульптуру отдать?

–Не надо. Ни к чему грех на душу брать. Отбейте яйца, ширните чем надо и бросьте у дурдома в какой-нибудь Ростовской области.

–Куда ты пропал?! Вынь письку изо рта! – интеллигентность аккуратного человека не позволила ему выразиться иначе.

–Что? Кто тебя похитил? Почки отбили? – потребовалось

все самообладание, чтобы до конца выслушать мало похожее на речь эмоциональное мычание. Через несколько минут интеллигент с каменным лицом выключил айфон. Аккуратно положил заморский подарок на стол и решительно ткнул в кнопку селектора.

– Наталья, срочно! Бумага, ручка, ко мне! – не своим голосом рыкнул невысокий мужчина.

От услышанной интонации Наталья Алексеевна резко захотела пописать, она схватила бланки с грифом «Особой важности», и, как позволили дрожащие ноги, метнулась к хозяину.

– В течение 2 часов подготовьте указ: «В связи с утратой доверия...»

«Альпийский воздух чист и свеж и полон Юлькиных надежд». Напевал про себя Юлий Никандрович. Он любовался игрой солнышка на снегу горных вершин. Перед ним стелилась изумрудная травка, любимая клюшка № 5 еще никогда его не подводила. Поле для гольфа немного напомнило игроку собственную лужайку в рублевской усадьбе. Досадное происшествие понемногу забывалось. Новые пчелки обживали авторские улы, готовились лечь баиньки с наступлением холодов.

– Дорогая моя столица, золотая моя Москва! – из кармана жилетки раздался голос Кобзона.

– Кто это посмел меня побеспокоить? – Благодушно удивился чиновник, доставая Верту.

На расстоянии вытянутой руки трудно разглядеть номер звонившего. Нажал кнопку приема, неспешно поднес к уху...

На монголоидном лице последовательно отразились гримасы удивления, растерянности, испуга, ужаса...

Парализованными пальцами нажал кнопку отбоя. Швейцарская земля зашаталась под россиянскими ногами.

«Нет, такого не может быть, это какая-то ошибка!» Пульсирующая мысль спасла от инсульта. Сигнализируя о пришедшем СМС, вякнул телефон.

Обострившееся в критической ситуации зрение позволило разглядеть на дисплее страшные слова. Щупальцами злого кальмара они схватили за сердце: «И кепку свою ****ую забери!»

2010 год

Массовые расстрелы не спасут Родину

На верхней стороне зеленого кубика отблескивает лунка. Воск плавится к центру. Свеча похожа на отфотошопленное яблоко. Таких яблок четыре в изголовье кровати. Легкий аромат заполняет уютную комнату. Ложе низкое, на окне опущена штора с каким-то иероглифом, интерьер стилизован под японский. Наполовину укрытые простынями на кровати лежат любовники. В молодой женщине угадывается примесь азиатской крови, а мужик лет за сорок на вид к Японии имел отношение другим образом. Оба молчали, удовлетворенные друг другом.

Оперевшись на локоть, девушка лежала на боку. Наманикюренный пальчик скользил по груди мужчины. Тренированные мускулы натягивали загорелую кожу.

«Мы были бы красивой спортивной парой. Если бы я родилась лет на 20 раньше. Где теперь таких мужиков найдешь!»

Эксклюзивный мужчина лежал с закрытыми глазами, лицо – мавзолейная маска.

– Какой же ты у меня романтик! – восхищалась девушка. – Без охраны среди бела дня на такси примчался!

«Оно, конечно, романтик. А еще с этими долбодубами сидеть неохота. Прямой эфир, могу не сдержаться – роман-

тик, ага». Кончики губ изогнулись вверх.

Рядом с «яблоками» завибрировал мобильник. Не открывая глаз, романтик бросил руку за голову. Пламя свечи не успело поколебаться, телефон возле уха.

«Айфоня ****ый!» Сжались стальные пальцы, пластик хрустнул, романтический терминатор одним движением сел на кровати.

– Я Калину твою возьму?– подумал: «хорошо, что не желтая».

– Конечно, Петя! Ключи в сумочке. Что-то случилось? – глаза девушки стали огромными, но все равно со смешинкой. Такой уж характер, тем и привлекала суровых мужчин.

– Щас приеду и случится! – Петя уже застегивал «бомбер». Из сумочки взял ключи, нацепил солнцезащитные очки. Да хоть с мешком на голове, все равно узнают по походке! Петр Петрович Вовин поджал губы: «*** с ним, только бы до машины незамеченным добраться!»

– Алл би бек, Алена! – Петр Петрович приподнял очки, подмигнул.

Девушка белозубо засмеялась, забрасывая шелк черных волос за спину.

Белая Калина мерно двигалась в потоке автомобилей. Пробок днем быть не должно. В нормальных Европейских городах.

***

– Как он не понимает, что модернизация не бывает бес-

платной!

«Сейчас заплачет». Вовин уже несколько минут слушал жалобы узкоплечего человечка с большой головой.

– Деметрий Дерьмидонтыч, вы скажите толком, за что уволили министра?

– На всю страну в прямом эфире заявил, что я деньги не туда, куда надо трачу! – голова Дементия Дерьмидонтыча на тоненькой шее тянется вверх, ладошка опускается на стол. Звук удара не получился, скорее как пукнул кто-то.

– Как он не понимает, что без интернета и резиновых танков с нами никто в мире считаться не будет! Мы уже модернизировали МВД! Стоило только переименовать милицию, как граждане буквально на глазах стали законопослушными! Правильно я говорю, Расул Гамзатович?

– Совершенно правильно!

– Вот поэтому я предложил господину Кудряшкину покинуть пост министра финансов и уйти в отставку. И я всем ответственно заявляю, что не позволю над собой издеваться!

Дементий Дерьмидонтыч заморгал, вскочил с кресла и сорвавшимся голосом закончил:

– Все свободны, господа! – И первым выбежал из своего кабинета.

«Запись в блогик делать побежал».

***

– Господа, *** с ним с Айфоном – скоро все равно менять по гарантии. Будем считать, главбух в отпуске. – Петр Пет-

рович по-хозяйски откинулся в кресле.

– Меня сейчас интересует другое. Несколько часов назад я проехал через весь город за рулем обычного автомобиля. Я был поражен, как наши граждане не соблюдают элементарных правил поведения. Именно этим и отличается наша страна от Европы – если обманывать и ловчить в таких ничтожных вещах, то почему бы не воровать, не грабить по-крупному? (Без меня)

– Народ – это стадо баранов. – Расул Гамзатович являлся спецом по бараньей части.

– Вы мне скажите, кто баранами их сделал это раз и кто баранам зебр везде подложил.

– Распустился народ. Похоже, даже массовые расстрелы уже Родину не спасут. – подал голос толстяк в черном костюме.

– Массовые? Массовые, может, и не понадобятся. Есть у меня одна идея. – Вовин встал.

– Расул Гамзатович, идите йогой позанимайтесь. Вы тоже, Сердюк, идите, тренируйте солдатские щеки, чтобы танки за 45 секунд надували.

– Значится так, Иван Иванович, – после ухода толстого и тонкого продолжил Вовин.

– Сколько вы можете выделить людей без ущерба для государственной безопасности?

***

– Ты посмотри на этих уродов! Мало им снова личный со-

став от дел отрывают, так они еще как девок на базаре выбирают. Этого повыше, того пониже, другого чтоб на бабу похож был. Совсем в Москве офуели! Свяжись с отделом кадров, под видом инспекции проедешь по отделениям, выберешь кого надо. Два месяца! Чего они там делать будут? Вола е***ь – опять в толпе ходить, демонстрации долбо**ские устраивать! – Откровенность начальника захолстного отдела ФСБ объяснялась родственной связью с замом.

– Яволь, папа!

– Какой я тебе папа! На 10 лет старше! Смотри у меня, не дай бог дочка пожалуется!

– Феликс Прокрустович, ваша дочь для меня как именной ПМ – потерять не имею права!

***

Ветер играет желтыми листочками, солнышко давно высушило асфальт, воздух чист и прозрачен. Где то далеко за МКАДом. Над перекрестком многополосных дорог воздух – мечта токсикомана. Вазовские катализаторы выброшены за ненадобностью, шахи гастарбайтеров соревнуются выхлопами с КАМАЗами.

Волосы в ноздрях как фильтр противогаса после газовой атаки, в сетчатке глаз манящие белые полосы, в мозгах героическая задача – во что бы то ни стало перейти на другую сторону дороги. Обязательно на красный. Иначе не интересно, драйва нет, понимаешь! Как стадо баранов за самым героическим парнокопытным.

Сигналя сначала культурно-вежливо, потом заходясь в истерику, перед табуном останавливается потрепанная девятка. Пара тинейджеров бросают презрительный взгляд, продолжают неспешно переставлять копыта.

Визжат шины, водительская дверь распаивается – аж стойка гнется.

– У вас, что, блять, глаза ****ой обшиты? Красный с зеленым путаете? Вот сверху – это красный! Стой, значит! Снизу – зеленый, иди! – Водитель, брызгая слюнями, машет в сторону светофора.

– Хули ты разорался! – Невесть откуда взявшийся мужик с небритой харей вступается за невнимательных пешеходов.

– Чё, блять, пропустить не можешь? Охуенно крутой? – наезжает харя.

– А ты кто такой? – Стандартная ситуация, пешеходы заулыбались, предчувствую бесплатное развлечение, кто-то уже снимает на мобильник.

– И чё ты мне сделаешь? – Харя чувствует поддержку толпы.

Водитель достает из-за пояса пистолет и стреляет в живот небритому. Толпа в ужасе бежит по обе стороны дороги. Небритый корчится, прижимая руки к животу, темная кровь заливает асфальт. Стрелок садится в машину, спокойно уезжает с места происшествия. Зрители расправы не успевают придти в себя, как, воя сиреной, подруливает «Скорая помощь». Хмурые дяди в белых халатах кидают на носилки по-

страдавшего, щелкает подъемный механизм, никелированный катафалк проезжает мимо зевак к задним дверям. Усиленная вой, «Скорая» срывается с места – путь свободен.

***

Холодок весело забирается под юбки, стеклопакеты как чешуя золотых рыбок, солнце уже не греет, блестящим пятном закатывается за горизонт. Это игра такая у бабулек – успеть перебежать на красный или перейти, не глядя по сторонам, испытывая мазохический оргазм.

На перекрестке с Тверской и в этот раз сборная пешеходов преимущественно женская. Девки, бабы, ребятишки. Бальзаковские шмары, мамки с детьми под мышку, божьи одуванчики – все бросаются между автомобилями, не обращая внимания на истошные гудки. Очередную группу возглавляет суровая старуха. Пальто вместо шинели, платок фашиста под Сталинградом, костылю только штыка не хватает. Бабуля машет палкой водителям – «красный, зеленый, да хоть синий – идите на ***!»

А мог бы и на капоте прокатить. Но черный Фольксваген останавливается в сантиметрах от старушки. Вылезает здоровенный лысый дядька:

– Куда вы претесь на красный, ****ы с ушами?! – Бальзака явно не читал мужчина.

– Ты чего разорался тут, плешивый! – Бабка намахивается костылем.

Скинхед блокирует удар, апперкот, бабулька хрюкает на

асфальте. Пешеходы в а*уе.

– Со всеми так будет, кто правила не соблюдает! Блеать!–
трясет кулаками поборник ПДД.

Через минуту, как скрылся Фольксавген, нарисовалась
«Скорая помощь». Медбратья растолкали сочувствующих,
бросили бабулю на носилки. «Разойдись, реанимация!» – Ре-
анимобиль стартует за Фольксвагеном.

– Батюшки-светы, – стонет бабка в салоне.

– Средь бела дня! Убили, ироды!

– Чё за ***ня? Уж не попутал чего Кабан? – забеспокоил-
ся санитар.

Люди в белых халатах склонились над старухой. Бабуль-
ка откинула платок, серые глаза внимательно смотрят на вра-
чей, губы расплылись в улыбке.

– Испужались, окаянные? – мужским голосом спросила
старушенция.

Ряженный встал с каталки, из за пазухи вынул помятую
пластину.

– Пробил-таки Кабан, лысая башка. Ничего, скоро его
очередь придет!

«Скорая» мчалась к новому перекрестку...

***

С десятков человек выстроилось на бордюре. Мужчины
и женщины нервно переминаются.

– Вчера снова мужичка на перекрестке завалили! Что ж
за водители пошли? Нервные все, со стволами! Двух старух

позавчера до смерти забили! Куда полиция смотрит? Свидетелей сколько, номера известны, а поймать никого не могут! Все, зеленый – можно идти!

Обеспокоенный положением на дорогах гражданин посмотрел по сторонам и марафонским шагом пересек проезжую часть. В забеге приняли участие все пешеходы плечом к плечу.

***

Моргнули желтые светодиоды, белая Калина остановилась в левом ряду. Звуковая волна прошила кузов. «Что еще за паровоз такой?» Петр Петрович, поджав губы, наблюдал в зеркало, как «Хонда Пилот» выруливает на встречку. Едва не задев левую фару, встает на пешеходном переходе.

Мажорики ***вы, вздыхает Петр Петрович.

***

«... в связи с осложнением оперативной обстановки срок командировки продлен на два месяца. Выслугу командированным сотрудникам исчислять как 1 месяц за 3 с соответствующими выплатами...»

– Твою мать! Чем они только там занимаются?! – стукнул по столу Феликс Прокрустович.

2011

Блогерам посвящается

Тонкие кожаные перчатки фирмы ESMEE без подкладки. Все равно трудно привыкнуть к тактильным ощущениям. Чистыми руками все ощущается емче, правдивей. «Чистые руки» остались в прошлом. Облаченные в кожу подушечки пальцев не оставляют папиллярных узоров на клавиатуре. Ноутбук на столе как менеджер с Уолл-стрит в гарлеме. Тарелки с заветренными роллами, окурки в лужах сивушных масел, бутылки, грязные бокалы как в тумане в свете ночника. Один из бокалов со следами помады бородач сунул в карман куртки. Бородач двигал мышью по очищенному участку, границей которого была затворная рама ПМ. Глушитель направлен в сторону дивана. Металлический цилиндр придавил банковскую платежку, свидетельствующую о получении 20 000 рублей со счета веб-мани господином Кревлецким В. К.

Сам Виталий Казимирович сидел на диване в одних джинсах. Заплывшее салом тело 30 лет отроду имело вид просроченного товара.

Виталий оторвал затылок от подушки, в голове затолкались полушария. Разлепив веки, Кревецкий увидел, что за его родным ноутбуком сидит обезьяна в кепке. Нет, это бородач! Под рукавами куртки прокатились банки, правая кисть шевельнулась, звякнула тарелка. Пистолет! Ви-

талий подобрался, утер слюну:

– Ты сутенер?

Ведь заплатил же! Виталик вспомнил девчонку в мини-юбке, десятку, в окно которой совал деньги. Кстати, где эта ****а, только что стриптизершу из себя корчила. Любитель клубнички повертел головой.

– Мы одни, тихо сиды, да! – кавказский акцент и движение пистолетом оказали гипнотическое действие. Виталик захлопал глазами, сдвинул колени, куски сала свесились над поясом.

– Нет, я не сутенер, хотя это будет зависеть от результатов нашего разговора. – в бороде сверкнули зубы.

– Лучше быть живой проституткой, чем мертвым блогером. Хотя это и так одно и то же. – туманно выразился кавказец. Акцент пропал, но замороженный Кревлецкий не обратил внимание.

– Я поговорить пришел к тебе, Евпатов Андрей, или Веселый страус? А может, Крысомор, или Миша Всеславный? Так как, Виталий Казимирович, к тебе обращаться? А в трудовой книжке так и прописано: «блогер»? Есть такая профессия?

– Хотя, – усмехнулся бородач, – моя деятельность тоже в трудовом кодексе не прописана. Да и не платит мне никто – за удовольствие работаю.

Тихая речь немного успокоила Виталия, глазки забегали, ладошки сжали сиденье дивана. Вскочить, прыгнуть к двери,

закричать.

Рядом с плечом вспоролась спинка дивана. Со стороны ноутбука прыснула темная струя газа. Хлопок по ушам. В нос ударил запах пороха.

– Даже не думай! Я тебя насквозь вижу, даже дырку в голове делать не надо. – зарычал кавказец.

– С детства ты не любил работать. В школе физика с химией тебе не давались, поэтому ты причислил себя к гуманитариям. Точные науки для ограниченных, подобных флюсу, ты же возвышенной души человек. По****еть с такими же ебланами, в роли которых учителя-неудачники, вот это тема для прыщавого подростка. На ту же физкультуру пускай быдла идут, у тебя освобождение. ****ьник тогда еще отшел, типа солидности придает. К 18 годам куча болезней обнаружена знакомым терапевтом. Военные врачи поделили родительские деньги, с белым билетом весь мир на ладони!

Ты же, как все дети, хотел стать менеджером. Чтобы с 9 до 17 в офисе по сети в кваку рубится, или что там сейчас, в контактах порнуху смотреть, на корпоративах водку с пивом намешивать. В кредит иномарку взять, квартиру в ипотеку. Но сны не всегда сбываются. Настоящий управленец всегда в состоянии конфликта. А иначе, если все работают за*бись, и менеджеры не нужны – нужны специалисты. Правильно с людьми конфликтовать – большая наука для зрелых пацанов. Не вышло у тебя менеджером стать. Куда деваться? Не на завод же идти, болванки таскать, гайки кру-

тить! В журналисты, в писатели, бл*дь ! а на *** ты там нужен? Чтобы что-то дельное писать, надо сначала кучу книг прочитать. Снова облом. А тщеславие в яйцах чешется! Интернет, бл*дь! Халявный почти. Сидишь дома, завел «жежешечку» – напярчь умишко, сайт сделать да еще платить за него – в падлу, и пишешь туда и комментируешь статейки в рамблерах под разными никами, подрядившись за копейки. Растет самосознание, ты, оказывается, во всем разбираешься, все знаешь, бл*дь!

Бородатый давно забыл про акцент, зато пистолет направлен прямо в брюхо, поэтому поправок со стороны несостоявшегося менеджера-журналиста не последовало.

– А выборы для тебя вообще Клондайк! Главное, в нужное место нос засунуть, подрядится за 30 шекелей у господ-товарищей партийцев. И пишешь ты теперь как «За Русь» о засилье жидов, как «Хаим Векслер» ужасаешься русским фашизмом, как «Виктория» взываешь о братстве и толерастии, «Ястреб» у тебя поносит русский народ, «Викинг» призывает резать таджиков!

Бородач разбушевался, пинком опрокинул стол, прыгнул к блогеру на диван. Глушитель воткнулся в пухлую щеку Виталия, трахею сжали железные пальцы. Вращая глазами, бородач продолжал озвучивать приговор. Об апелляции Кривецкий даже не думал. Его организм облегчил прямую кишку, но «судья» не обращал внимания такие издержки.

– Кто ты после этого? Провокатор и проститут! Ты же сво-

ими словами судьбы ломаешь, жизни калечишь! А ты знаешь, что за слова надо отвечать? Как всем интеллигентным людям. Думаешь, как я тебя нашел? Вы же, интеллигенты, народишко тщеславный. Для таких и придуманы социальные сети, чуть покопаешься в ваших хвастливых откровениях и никакой базы данных не надо.

Обвинитель почесал бороду, Виталий глубоко вздохнул, задохнулся собственными миазмами, выдохнуть пришлось тоненько через нос. Губы расплющила ладонь, язык лизнул тонкую кожу перчатки фирмы ESMEE. «Последний выдох, последний вдох...», вспомнил Кревлецкий заливчатую песню Жана Сагадеева.

– Нет, пожалуй, тебя к интеллигентным людям нельзя причислять. Такие как ты – это паразиты общества. Вы же как хотите – чтобы у вас все было и чтобы за это ничего не было! Лупиться в зомбоящик, жрать чего подадут, а потом рассуждать с умным ****ом о том, чего не знаешь. Обкладывая ****ми правительство и пользоваться льготами, требовать сильную руку, но полицейские чтобы как из балетной школы с английским уклоном. Жалеете жуликов и наркоманов, но сразу бежите в ментовку, как телефон из кармашка тиснут. Вялые седалища и геморрой считаете издержками своих героических блогерских будней. Хотите вкусно жрать и пиво пить, а жир на пузе считать мускулатурой. Соленым огурцом водку закусывать и наступившую дебилность считать удалей. Стрелять вас надо!

Глушитель сильнее вдавился в щеку, Кревлецкий зажмурился, последние фекалии покинули кишечник, челюсти задрогали, последние слова оправданий рвались наружу...

Кабанов дернул головой, выпрямился на сиденье. Глаза разорвала белая вспышка. Через мгновение спектр наполнился различной длиной световых волн, обозначилось грязное ветровое стекло, за ним буйство весенних красок.

«Приснится же такое. Стал бы я рассусоливать, шлепнул и все дела». Дмитрий Петрович оторвал руки от руля, открыл перчаточный ящик. Фальшивая борода, тюбики с гримом на месте. Понюхал правую ладонь между большим и указательным пальцами. Тонкая кожа перчаток ESMEE пропитана фирменными дубильными веществами. В изысканном запахе примеси сгоревшего пороха не ощущалось. Кабанов развернул ладони, телячья кожа перчатки на левой руке надорвана, в бороздках явственно угадывались следы зубов.

«Один ***, перчатки выкидывать». Кабанов всегда без сожаления избавлялся от предметов, способных стать уликами в уголовном деле.

2012

Собака Кабанова

Как тепло! Все вокруг блестит на солнышке.

Котенок жмурился, в желтизне оболочки едва угадывалась нитка зрочка.

Черное ухо среагировало на стук по асфальту, из-за угла дома вышли они. Большие звери, ходящие на двух ногах.

Мама велела всегда бежать от них, не слушать их призывные звуки, даже запах не вдыхать, какой бы он ни был! Но до окошка в родной подвал высоко, двуногие все ближе. Какие они разные – кто стучит по асфальту большой зверь, а его дитеныш совсем маленький, раз в пять меньше. Держаться лапами друг за друга. Маленький заметил меня, тянет свободную лапу! Мама говорила, если некуда бежать, надо увеличиться в размерах!

Котенок выгнул спину, попробовал распушить шерстку, но среагировали луковицы волос только на хвосте.

– Мама, смотри! – Девочка лет 4-х тянет руку к мохнатому клубочку. – Это котик? Прямо как в книжке был нарисован!

Молодая женщина остановилась, с удивлением посмотрела вниз.

– Да, Оленька, это котик. Какой хорошенький! – женщина улыбнулась, но продолжала держать руку дочери, не позволяя приближаться к котенку. – Надо же, они еще остались на улице.

Из подвального окна к котенку метнулась тень. Тень зашипела, котенок оглянулся, еще больше выгнул спину и попытался вторить матери. Вдвоем они прогонят больших зверей!

Женщина в испуге дернула за руку дочь, та мгновенно заплакала, впечатлившись больше от кошкиного шипения.

Котенок почувствовал на загривке материнский прикус. Так, хвостик поджимаем! Через мгновение котенок полетел ввысь, зрачки расширились, подвал встретил знакомыми запахами.

Припекает! Неохота вставать, старею. Снова забегали, отношения выясняют, статус устанавливают. Стая большая, щенки вырастают, все как на подбор рослые, того и гляди примутся в жоаки лезть. Вроде и самок полно, и двуногие в городе отстреливать не решаются, а жратвы мало становится! А когда-то кошек полно было, вроде мало мяса и загонять только стаей, но безопасно и вкусно, вошь меня задери!

Резким движением огромная дворняга впиалась в свою ляжку, передние зубы перемололи блоху, заодно почесали зудевшее место.

Как хорошо, слушай! Как в Душанбе солнце!

Смуглый мужчина быстро перебирал пухлыми ногами по щебенке. Через пустырь с долгостроем кратчайший путь к вокзалу. Мужчина шевелил губами, улыбался, блестя коронками.

А в кармане рублики, урусы чебуреки раскупают, как

перцовку в аптеках. Муки надо прикупить, парни в подвале кошку с котятами нашли почти удачно, только Хаким чуть глаза не лишился – кошка, сволочь, кинулась. Ничего, осторожнее будет в следующий раз! Собак бы помельче найти, а то, сволочи, вымахали все, не подойдешь. Как это называют – естественный отбор! Вот же сволочь, как накаркал – стая дворняг справа! Уходить быстрее надо, пока не заметили, а завтра с отравой сюда придти!

Огромный старый пес внимательно следил за человеком, блошинные укусы забылись, ветер доносил до ноздрей знакомые молекулы.

Спокойно, только бы щенки не сорвались раньше времени, не заорали бы, пытаясь напугать. Молча надо дело делать! Двуногий идет один, походка семенящая, уже увидел, опасается. В руках ничего нет. Тихо, спокойно пошли. Ветер в нашу сторону, двуногий давно не мылся, странно, кошками пахнет. Какой сладкий запах!

Пес поднялся и размеренно, чуть пригнув голову, побежал в сторону работника быстропита. Еще несколько собак, повизгивая от нетерпения, бежали вровень с вожакom.

– А-а-а!!! Шайтан!!!

Кабанов откинулся на спинку дивана, с возрастом позвоночник дубел после трудового дня. Массаж нужен, массажистка нужна. Женится что-ли? Дмитрий Петрович улыбнулся, посмотрел на немецкую овчарку, лежавшую между ним и зомбоящиком. По телевизору сиястая корреспонден-

дентка пуляла словами как из МГ-42 – шла передача типа «666 секунд». Кабанову показалось, что собака подмигнула. Рэм поднял голову, чтобы не смущать психику хозяина, высунул язык, часто задышал.

– Скандально известным музыкантам из группы «Pussy Riot» вновь продлили меру содержания под стражей. Адвокаты взывают к общественности помочь бедным девушкам, судьба которых в руках ханжей, облеченных в форму.

– ****ы с ушами, блять! – что греха таить, Кабанов временами разговаривал с телевизором.

– Они бы в мечети ляжками потрясли, их бы матку сожрать заставили! Заложницы системы, блять!

– А теперь о местных происшествиях. – продолжала трести сиськами корреспондентка.

– На пустыре возле железнодорожного вокзала обнаружен труп неустановленного мужчины, предположительно гастарбайтера. По многочисленным рваным ранам на останках эксперты заключили, что мужчину загрызла стая собак.

Кабанов убавил звук, взгляд упал на книгу, лежавшую под телевизором. Конан-Дойл «Собака Баскирвилей».

– А что, Рэм, не поработать ли тебе на благо Родины? Нет, не твоей исторической, а вот этой нашей, общей, которая раньше Российской империей называлась.

Пес склонил рыжую голову, глаза немигающее впились в хозяина.

Ничего вы, люди, не понимаете! Немецкая, Шотланд-

ская, Австралийская овчарка, да хоть Кавказская! Родина – там, где родился, где живут те, кого будешь защищать, ради кого пойдешь на смерть!

2012

Фирма, которая прогорела

– Не ходите за мной! Не отец я вам! – молодой мужик топал валенком и махал руками.

Стая пингвинов хлопала ластами, в восторге запрокидывала оранжевые головы и радостно гоготала.

Годом ранее...

– Сядь, Федор, у меня к тебе серьезный разговор! – Андрей достал из-под стола литровую бутылку «Столичной».

– Доколе! – Андрей стукнул кулаком по столу, раздался звон столкнувшихся тарелок. – Доколе мы будем жить как нищие в нашей богатейшей стране! Или она на откуп олигархам отдана?

У Федора выкатились глаза то ли от бриллиантового блеска бутылки, то ли от смелой сентенции. Он энергично потер ладони, аж мозоли затрещали.

– Не особо и серьезный, но поговорить можно.

Федя пристроил пальто с шапкой на вешалке и метнулся к столу. Андрея обдало холодом.

– Замерз? Давай-ка для сугрева, потом поговорим.

На покрытом недельной давности газетами столе стояла ополовиненная бутылка, в тарелках по майонезу, спасаясь от вилки, скользили пельмени. Андрей стукнул стаканом по столу, хрупнул соленым огурцом.

– Почему наша экономика в прямой кишке догнивает?

– Инновации старые и онанотехнологиями Чубайс заправляет. – отрапортовал Федор.

– Все верно, май фрэнд, – перешел на английский Андрей и пятерней отправил в рот полкило квашеной капусты. – Учиться нам у Запада надо, опыт перенимать!

– Ты что-то скопипастил, фрэнд? – на языке Шекспира спросил Федя.

– Вот что я надумал, – склонился над столом Андрей, с губы упала полоска капусты, добавив газете масляных пятен.

– Покупаем в Краснодарском питомнике страусов, обносим территорию вокруг сарая забором, пусть птички по кругу носятся, мышцы качают. Летать они не умеют, пастись на лугу возле озера будут. Озеро загогулиной – через воду не перебегут, нам только одну сторону контролировать придется. Через полгода у нас и мясо и яйца...

– И молоко.

– Молоко только у млекопитающих, деревня! Их потому и зовут так – млекопитающие!

– Да пошутил я.

– А я серьезно! Это ж неподнятая целина, Клондайк, Эльдорадо! Один страус килограмм 50 весит, яйца по килограмму, перья на шляпы продавать будем!

– Скачки устраивать.

– Во и тотализатор забацаем! – у Андрея в глазах уже цифры, как в игровом автомате, завертелись.

Федя взял из пачки на столе сигарету, прикурил и прошел

к окну. Открыл заиндевевшую форточку, выпустил струю дыма в фиолетовый прямоугольник.

– Друг, а страусов в сани запрягать можно?

Андрей сложил брови домиком.

– Посмотри в окно, – продолжал дымить Федор, – на дворе снега по яйца и мороз под 30! Как мы африканских птиц обогревать станем? Водкой поить? Нерационально, не находишь?

– Твою мать! – грохнул кулаком по столу прожектер. – Я ж совсем забыл, что февраль на дворе – я после 23-го еще из дома не выходил.

Андрей опустил голову, взгляд упал на рекламное объявление в газете. «Новая программа «Ледниковый период!» Впервые на арене городского цирка дрессированные пингвины! Георг, Шкипер и Цаца подарят вам только положительные эмоции!» Андрей смахнул капустные ошметки. На зернистой замаслянной фотографии улыбались и махали ластами три императорских пингвина.

– Какой сегодня день?

– Двадцать седьмое.

– Значит завтра последний день. – пробормотал Андрей. – Вот наше светлое будущее! В цирке!

– Ладно зимой, – горячился Федор, – а летом? Они же запарятся в шкуре своей.

– В зоопарках не парятся, а у нас запарятся! Они что там на севере – от хорошей жизни бичуют? Были бы крылья, враз

на юга махнули! – с пеной у рта убеждал Андрей.

– Они и так на самом юге живут вроде.

– Ты понял, что я хотел сказать. У нас им будет гораздо интереснее – полгода вроде как дома в прорубь за рыбой ныряют, полгода как на курорте. Главное, ни улететь не смогут, ни убежать – руки, ноги короткие. Кстати, о шкуре – будем еще шапки шить, варежки всякие. Фирму назовем: «Петров, Таранов и Серафим».

Федор почесал затылок.

– Ладно, проект чисто гипотетически выгодный. Только пингины вроде в Красной книге. Посадят нас!

– Если раскрутимся, не посадят! Где это у нас олигархов сажали?

– А Ходорковский? – не унимался Федя.

– Мы в политику не полезем. Там без нас пингвин на пингвине! И потом, под запретом отлов диких, а у нас домашние пингины будут! Разницу улавливаешь? Криминальное происхождение только у первых особей будет. Так, если хочешь знать, все миллионеры начинали.

– И как мы до Антарктиды доберемся? Ни загранпаспортов, ни денег.

Андрей постучал пальцем по лбу.

– Ты меня совсем не слушаешь! Вот, – палец ткнул в газету, – наша Антарктида!

– Ты все-таки их с****ить решил?

– Не «с****ить», а экспроприировать – вот слово-то, язык

прикусишь, после него Ленин и начал картавить. – прокряхтел Андрюха. – Экспрпр... эспропри... живодеров, короче. Ты со мной?

– Разве что живодеров. – вздохнул Федя. – С тобой.

– Тогда завтра заезжай за мной, в город поедем на представление. Я пока план продумаю.

– Ха, смотри, – показывая пальцем, ухохатывался Андрюха, – Машка за тобой также носится.

На арене за клоуном торпедой носился пингвин. Черно-белая птица хлестала лапами, щелкала клювом.

– Только что без сковородки!

Федя постарался насупиться, но уж больно пингвины смешные были.

Погасли огни рампы, стихли шаги уходящей публики, артисты загоняли зверей в клетки. Друзья спрятались в рядах кресел.

– Часа через два пойдем. – зашептал Андрюха. – Не думаю, чтобы там на клетках замок особенный. Я тут отмычки припас. Там на выходе только сторожа останется пройти, но и для него у меня военная хитрость имеется.

– Что он у тебя крикает? Ты ему клюв запечатаешь или нет?

– Да я стараюсь! Скотч рвется!

– Что ты творишь? – выпучил глаза Андрей. – Клюв обматывать надо! Вот, смотри как у меня!

Андрей показал пингвина с такими же выпученными гла-

зами и мотком скотча на клюве.

– Принимай Цацу. Я сейчас третьего наряжу.

– А вы кто такие? – подслеповато жмурясь, спросил сторож.

– Да мы ж вот с детьми заблудились, дед! – Андрей вел, держа за рукава, двух пингвинов, одетых в детские пальтишки. Федя своего «дитенка» нес на руках.

– Замаялись, поди ребятки, – покачал головой сторож. – Вон, еле ходют. Носатенькие какие! Еврейцы что ли?

– Ты, дед, антисемит?

– Да ты что! – засмутился сторож. – Пойдем, пойдем, выведу вас отседа.

– Мы их, разумеется, переименуем. – Андрюха восхищенно смотрел на пингвинов, синхронно хлопающих глазами на заднем сиденье.

– И перекрасим. – Федя вырулил на трассу.

– Шути, шути. А назовем Борька, Ромка и Валентина.

– Почему так?

– Чтобы олигархов представлять, когда резать будем.

Фирма «Петров, Таранов и Серафим» начала свою подпольную деятельность. Пингвинов устроили в коровнике. Перегородки сломали, пол вычистили, настелили свежего сена. Пованивало немного, но не больше, чем в цирке. Первые дни пингвины носились по сараю, выделявая разные трюки и напрашиваясь на аплодисменты, но затем смекнули, что их кормят даром. Ромка с Валентиной оказались парой, а Борь-

ка холостяком. Но жили дружно, без извращений. Кормил их все больше Федор, Андрюха занимался финансами – где подешевле рыбий фарш купить, биодобавки, стероиды для роста пингвинячей массы.

Таблетки Федор выбрасывал тайком, боялся, фармакология на потенции скажется, и дети у Ромки с Вале́й мутантами окажутся. Для моциона и экономии средств Федор выпускал пингвинов в озеро. Пингвины с щенячьими визгами прыгали в прорубь, выпрыгивали из нее с карпами в клювах, угощали друг друга и Федьку. Так Федора полюбили, бегали за ним, как кутята.

Весной Валентина снесла яйцо. Андрей потирал руки, а Федор теперь и ночью проводывал питомцев.

– Так! Это что же, ты уже с пингвинами спишь? Скоро водку с ними трескать будешь! – вопила Маня, луч от фонарика высветил Федьку на сене.

В ногах у Фе́ди звякнула бутылка о стакан, а под рукой шевельнулось теплое пернатое тельце.

– Что уже! Сам алкаш, так еще и животных спаиваешь! Ты не трахаешься с ними еще?

– Ты чего, Мань, это ж Борька! – у Федьки по-кошачьи светились глаза.

– А чего *** напрягся? Сейчас пуговицы на ширинке отлетят! На пингвинов у него встает, значит, а со мной в постели еле червяком шевелится! – вываливала скелеты Маня.

Андрюха уже несколько минут ходил из угла в угол. Фе-

дор сидел за столом и что-то подозревал. Собрание учредителей было внеочередным.

– Я договорился с рестораном о поставке пробной партии мяса. – выдавил Андрей. – Надо выходить на рынок. Пока там распробуют, рекламу запустят, к этому времени третий выводок подрастет. Короче, надо резать. На то мы и бизнесмены.

– Кого? – поперхнувшись, спросил Федор.

– Борьку, разумеется. Он же холостует.

– Он вроде к одной уже клинья подбивает.

– Инка еще птенец, нечего педофилию поощрять. Веди этого извращенца! – распалил себя Андрюха.

– Не могу! – Федор дрожащей рукой держал нож и смотрел в глаза Борьке. Пингвин переводил взгляд с лезвия на Федьку, склонял оранжевую голову и жмурился. Мол, неужели посмеешь, неужели предашь мужскую дружбу.

– Дай я! – Андрей забрал нож из дрожащей руки. – Смотри, мать Тереза!

Андрей замахнулся, пингвин нахмурился и покачал головой. Андрей положил нож на стол.

– Знаешь, Федя, давай выпьем. На агрессию пробьет.

– Давай Борьке нальем перед казнью.

Через полчаса Андрей, Федя и Борька, обнявшись, каждый на свой лад горланили «Три танкиста».

Фирма «Петров, Таранов и Серафим» прогорела изнутри.

2012

Avenger

Майское солнце только начало прогревать воздух. Отблески мелких волн напоминали о купальном сезоне, но от широкой реки веяло холодом. Вдоль берега бежал коренастый молодой человек, до города оставалось с полверсты. Мирно совершавшие променад мещане отступали в сторону, провожали взглядом скромно одетого парня. С молодого человека слетела фуражка с околышем реального училища, но тот лишь вытер капли пота с высокого лба. Владимир летел артиллерийским снарядом, взгляд заставлял разночинный народ сходить с линии прицела. Перед глазами мрачные камни Шлиссербургской крепости, брат, не уступающий по твердости крепостным камням. хищно раздвигаются толстые крылья носа, легкие кузнечными мехами перегоняют прохладный воздух, сердце сжигает кислород, толкая горячую кровь по тренированному телу.

Гравий под ботинками сменился мостовой, несколько переулков, и разошедшиеся ступеньки крыльца скрипят под тяжестью шагов. Рывком распахнув дверь, Владимир видит мать в черных одеждах, седую склоненную голову, бумагу с гербом на столе. Женщина не взглянула на сына, казалось, горе превратило ее в мрамор. Сгорбленная фигура на плетеном стуле навсегда отпечаталась в памяти. Владимир не в силах поверить известию, дошедшего до него в училище, берет

бумагу со стола. Уведомление. Слова расплывались, шрифт утратил четкость, молодой человек сжал зубы, лоб прорезала морщина. «В помиловании отказано... приговор приведен в исполнение...» бумага падает на пол, Владимир сжимает плечо матери, не в силах найти слов утешения. Навернулись слезы, юноша заморгал, развернулся от матери. Некогда рыдать по павшим, надо мстить!

Владимир бросился в комнату брата. Из всей мебели в маленькой комнатке узкая деревянная кровать, стол, шкаф, набитый книгами и обитый железом сундук. Александр в шутку называл свою обитель склепом – небольшое окно было зарешечено. Владимир своим ключом открыл сундук. Под тяжелой крышкой немудреная одежда, которую в былые времена носили оба брата. В отрочестве Владимир приналег на физкультуру и через пару лет слишком велика стала разница в телосложении. Владимир двумя движениями очистил сундук, с силой нажал на дно в условном месте. Щелкнула пружина, край дубовой доски приподнялся. К этому времени глаза стали сухими, движения четкими. Владимир поднял фальшивое дно, принялся выкладывать на стол наследство брата. Стопка рукописных листов с чертежами бомб, револьвер, кинжал в ножнах и книга на немецком языке. «Das capital» – потертое золото латиницы на черной обложке.

Владимир сунул револьвер за пояс, взял кинжал в руки. Задумчиво потянул за рукоятку, сверкнула сталь обоюдоост-

рого клинка. кого громить? жандармское отделение провинциального городка? суд? до царя далеко. И что такое один человек, когда будет струиться его кровь в потомках! Владимир заворожено посмотрел на клинок, взгляд опустился на стол. Вот она – утопия бородатого теоретика.

– Нет! – удар был такой силы, что клинок насквозь пробил томик Маркса и на полдюйма воткнулся в стол.

– Мы пойдем другим путем!

***

Ноябрьский вечер, легкий морозец. Дворники давно убрали пожухлую листву с мостовой, снежный песок набился в щели камней, образуя привычную мозаику питерской улицы. в такую погоду в трактире бы сидеть за самоваром или за бутылкой беленькой. Стекло витрины с надписью «Аптека» отражает пламя костров, груды наваленных мешков, перевернутые подводы, мелькающие фигуры мужчин.

– А чего, мужики, выгодно устроились – ежели ранят кого, вот она аптека, никуда бегать не нать!

Сдержанный хохоток прервал строгий голос:

– Посерьезней товарищи! Не забывайте, жандармы усилены казачьими частями, они к нашему рабочему классу не шибко хорошо настроены, наймиты царские! А ты, Михеич, расхолаживаешь народ.

Пожилой мужчина в распахнутой тужурке подошел к группе, сидящей у костра, за поясом торчала рукоятка револьвера.

– Вон оно чего – наган ему выдали, так сразу командовать! – Михеич пыхнул папиросой, оглянулся на товарищей.

– Нам бы, Петрович, оружия поболее, да патронов, всю власть бы поганую своротили!

– Да, если б рабочий класс вооружился, никакие наймиты не сунутся! – поддержали Михеича.

Рабочий люд был вооружен абы чем: обрезы охотничьих ружей, самодельные запалы, бутылки с керосином да пара наганов. Да развороченная на булыжники мостовая.

– Внимание, товарищи! Что-то там происходит! – Петрович припал к мешкам с песком, всматриваясь в противоположную часть улицы. Метрах в ста освещенная газовым фонарем серая шеренга заволновалась, послышались свистки, к центру, прижимая шашку к бедру, побежал офицер. Шеренга жандармов развалилась, серые шинели разметало, как горошнные чушки. Из образовавшейся брешки вылетели кони.

– Казаки! – Петрович вытащил наган. – К оружию, товарищи.

Рабочие развернулись по баррикаде, напряженно всматриваясь в темноту.

На них летела двуколка, плотный возница стоя бьет кнутом лошадей. Послышались выстрелы, крики «Стой!»

– Не стрелять, мужики! – Петрович приподнялся и закричал в обе стороны. – Это нашенький – товарищ Ильин!

Через минуту Ильин, не обращая внимания на выстрелы, лихо развернул бричку у баррикады. Пружинисто спры-

гивает, улыбается рабочим, сжимает руку Петровичу:

– Здравствуйте (от возбуждения получилось «здгавствуй-те»), товарищи! Разбирайте оружие!

– Много привезли?

– На сколько денег хватило. – Ильин снял картуз, вытер рукавом лобную затылочную.

– Кавказские товарищи в этот раз мало прислали, что-то там с эксом не заладилось. Так что всего по десятку винтовок и револьверов, да пару ящиков с патронами. Разбирайте, товарищи!

Рабочие, оживленно переговариваясь, начали разбирать вооружение. Ильин заметил, что у некоторых дрожат руки, другие держат винтовку, как будто поймали гадюку.

– Навыка нет, товарищ Ильин. – Заметил Петрович. – Мы же рабочие, а не военные.

Ильин задумался на минуту, оглянулся на серые шинели.

– А если, товарищ, сам царь народу оружие даст, да к тому же выучит воевать, а? – Ильин хитро прищурился...

***

Свинцовое небо, соленые брызги. Через смотровую щель оружейной башни переливы волн кажутся спинами морских чудовищ. Чудовища ныряют друг за другом, подныривают под броню, монотонно качая крейсер. Вдали перед горизонтом расплываются корабли неприятеля. Флот его величества страны восходящего солнца. В башне пахнет маслом, металлом и порохом. Лысый матрос вручную заряжает ору-

дие – электричество и телефонная связь повреждены. В рваной тельняшке блестят мускулы, тяжеленный снаряд находит свое место в казеннике.

– Сейчас, господа узкоглазые, получите гостинец! – матрос уже нашел прицел, когда услышал лязг двери и в башню ворвался боцман.

– Амба, Вован! Капитан приказал прекратить огонь! Всем построиться на палубе!

– Что, японцы уже капитулировали? – оскалился лысый.

В этот момент очередной разрыв японского снаряда перед носом крейсера разъяснил сарказм матроса.

– Двигай за мной, тилигент!

Подчиняясь приказу, лысый двинулся за боцманом.

С палубы картина разгрома русской эскадры представала во всем ее ужасе. Справа и слева тонули корабли. Горящий металл, дым, как шелуха семечек трупы матросов в воде. Вдали ровный ряд неприятеля.

Владимир замечает рядом с бортом «Варяга» моторизованную шлюпку под японским флагом. Боцман командует:

– Становись!

Оставшиеся в живых матросы приняли подобие строя. Справа подходят капитан, в двух шагах за ним вышагивают два японца с неподвижными лицами.

– Господа матросы! – нервно начал капитан.

– Наше положение катастрофическое! Большая часть ко-

раблей потоплена, часть покинула Цусимский залив. Японцы расстреливают нас с неуязвимой дистанции, за время длительного путешествия порох в наших снарядах отсырел, мы не можем продолжать огонь. Японцы предлагают нам сдать оружие и покинуть крейсер. Они обещают не чинить препятствий к выезду в Россию.

Последние слова капитан говорил в палубу, японцы за спиной хищно улыбались, глаза вовсе превратились в щели.

– Да вы что, братва! – перед капитаном вырос матрос в рваной тельняшке, лысая голова на могучей шее блестит бильярдным шаром.

– Когда это русский моряк сдавал корабли! Это же явное предательство! – палец лысого указал на капитана.

– Ульянов, вернись в строй! – заорал боцман.

– Товарищи, вы же сами бывшие рабочие, отцы у вас на фабриках надрываются! Как мы домой вернемся? Какими глазами смотреть будем?

Строй загудел, матросы опустили головы. К Владимиру подошел боцман.

– Вован, братва не готова, картина ясная – все к рыбам пойдем ни за что.

– Эх, Железняк! Фамилия у тебя стоящая, только ты ее не стоишь. – Владимир прямо в глаза смотрел боцману. Тот отвел взгляд.

– Не готовы еще, Владимир.

– С вами революцию не заваришь! Эх, вы, патриоты! Не

порох – сердца у вас отсырели!

Матрос толкнул плечом боцмана и бросился к оружейному складу.

– Останови его, боцман! – пришел в себя капитан.

– Он же боеприпасы взорвет!

Железняк бросился к стальной двери, за которой скрылся бунтарь, но успел услышать скрежет запорных листов.

Владимир услышал глухой крик боцмана:

– Полундра, братва! Спасайся, кто может!

В железных коридорах кое-где еще горели электролампы, хотя Владимир и в полной темноте нашел к ящикам с оставшимися снарядами. Личная месть отодвинулась на второй план. Честь дороже мести!

В этот момент корпус корабля вздрогнул, японский снаряд угодил в борт рядом с тем местом, где находился Владимир.

Русский матрос, не в силах удержаться на скользких металлических ступенях, ухнул вниз.

Владимир очнулся на мягкой кровати, вокруг было белым бело, маленькие узкоглазые медсестры, как ангелы, неслышно скользили мимо. Владимир попытался приподняться на локтях, голова гудела, тошнота подступала к горлу. Перед глазами образовались двое японских военных. Один склонился, положил ладонь на забинтованное плечо.

– Ты настоящий самурай, Ульяна-сан! Ты скоро поправишься.

Солнце уже начинало припекать, ветерок сдувал последнюю росу с проклюнувшейся травы. В свежем окопе от земли в нос шибал сладкий запах, чернозем бруствера напоминал родную пашню.

– Сеять пора, а мы три года вшей кормим! Эх, земляца наша Русская, когда ж тебе Господь разумного царя пошлет!

Бородатый солдат, прислонившись к брустверу, достал кисет из кармана шинели.

– Зачитался! Дайкось прокламацию.

Молодой солдатик протянул ветерану листок дрянной бумаги.

– «Долой царизм!» Социалисты опять бумагу пачкают! Для курева сгодится. – солдат оторвал половину, другую протянул товарищу. – Держи, сейчас табаку отсыплю.

– Я не курю, дядя Игнат. Спасибо.

– Из тилигентов что-ли? «Спасибо». Благодарствую надо говорить. – старый солдат сыпанул махорку в раструб «козьея ножки». Кисет вернулся в карман, терпкий дым потянулся в сторону вражеских окопов.

– Ты привыкай, Андрюшка, – пыхнул на молодого дядя Игнат.

– А как газами бомбить зачнут, совсем окочуришься!

– А часто бомбят, и сейчас могут?

– Нет, сейчас не будут – ветер в ихнюю сторону. Германец, он аккуратный: сперва беготню в окопах затеет – к атаке

готовится, потом артиллерия нас утюжить будет с полчаса. Ежели газовые снаряды, сразу не пойдут – травится не захочут...

– Это кто тут у нас позицию демаскирует? – кряжистый солдат с красным бантом в петлице скатился в окоп. Аккуратная бородка сглаживала жесткое выражение широкого лица, в раскосых глазах сверкал маньяческий огонь.

– Принесла нелегкая. Опять агитировать начнет. – в сторону простонал Игнат.

– А как без этого. – агитатор приладил винтовку на бруствер, отряхнул шинель.

– Вот вы, товарищ, – обратился к Игнату, – который год семью не видели, пшеницу не сеяли? А вы, – посмотрел на молодого, – так недоучкой и останетесь?

– Так Отечество защищать надо! – вскинулся молодой.

– А почему помещика с фабрикантом с нами в окопах нет? Это что не их отечество? И правильно – не их! Их родина везде, где за деньги можно купить власть и удовлетворить свои низменные потребности! Земля – она только для того, кто на ней работает. Земля – крестьянам! – агитатор встал во весь рост, к месту агитации стали подтягиваться солдаты.

Игнат набрал землю в широкую ладонь, в грубых заскорузлых пальцах чернозем задвигался как мех норки. Крестьянин посмотрел на агитатора:

– Вот скажи мне, товарищ Ильин, у меня, к примеру, две коровы, свиноньки, куры с гусями. Я жилы рву, пуп надры-

ваю, землю, стало быть, обрабатываю, пшеницу рощу, отдам часть хозяину и сплю спокойно. И вот на кой ляд мне все раздавать дармоедам городским, да нашим деревенским лоботрясам, а?

– А работников ты нанимаешь?

– Как же без них? Конечно. Одному с сыновьями не справиться в сезон!

– А работники разве пуп не рвут? Разве лоботрясничают? Так почему они голытьбой живут, а ты их за гроши нанимаешь? А сломается молотилка у тебя, за деталями к кому пойдешь, к тому же рабочему. Скоро труд крестьянина облегчат машины с бензиновыми двигателями. Придется тебе, Игнат, на старость лет за книжки засесть, мануалы читать.

Подтянувшиеся солдаты засмеялись.

– Ох, и балобол ты! – усмехнулся Игнат.

– Теперь ты мне скажи, а зачем ты с помещиком делишься? Его почему в дармоеды не заносишь?

– Дармоед еще тот! Так земля его вроде, закон на его стороне, жандармы! Попробуй не отдай!

– Таки и попробуй, чего боишься? Винтарь есть у тебя.

– То на фронте, а то дома. Вы, большевики, воду мути-те, по домам всех распускаете, а как немец на плечах в избу войдет?

– Не войдет! На той стороне такой же брат рабочий с крестьянином в окопе гниет. Оно ему надо, на чужой земле на своего дядю пахать? Немецкие коммунисты сейчас тоже ре-

волюцию готовят.

– Что, не можете, стало быть, без мужика? Царя-батюшку зачухонили, а остальных буржуев кишка тонка?

– Ты, солдат, свою кишку сначала измерь. Вместе нам надо быть, вместе новый мир строить! А царь, как символ мировой несправедливости, должен висеть в петле! И будет висеть! – раскосые глаза остекленели.

Агитацию прервал рев фугаса. С немецкой стороны раздались пушечные залпы. Солдаты скатились в окопы, сжимая винтовки, с опаской глядели в небо. Рев нарастал. Взрывы доносились из далекого тыла.

– Пристреливаются что-ли?

Ильин поднялся, посмотрел на восток. В полутора верстах рвались снаряды, земля комьями взлетала вверх, зеленый дым застилал горизонт, медленно двигался на запад.

– Газами решили потравить, суки!

Ильин присел к товарищам.

– Вот тебе и немецкий рабочий – эвон как революцию начал делать!

Сильные руки в два движения приладили штык к «мосинке». Ильин сдвинул брови:

– Чем за даром помирать, покажем немчуре, как может воевать русский солдат.

Ильин пристегнул полы шинели к ремню, вскарабкался на бруствер.

– Братушки! За мной, в атаку!

Следом сразу из окопа выскочил Андрей. За ним, вздохнув, полез Игнатий.

– Куда, молодой, поперек батьки. – кляцнул затвором.

Разноголосое «Ура!» покатилося от русских окопов в сторону врага.

Пальба сотни трехлинеек в разнобой да молодецкое «ура» лишь на несколько минут огорошили немцев. Деловито забубнили пулеметы, вдарила артиллерия обычными фугасами. Контратака начала захлебываться. Тут и там падали солдаты – кто матерно крича, кто беззвучно встречал смерть. У Андрея кончились патроны, с вытаращенными глазами он бежал со штыком наперевес. Впереди маячила широкая спина агитатора. Ильин бежал из стороны в сторону, изредка припадая на колено и прицельно стреляя.

Сзади пыхтел дядя Игнат.

– Мать моя! – по-простецки выдохнул студент.

Из немецких окопов выскакивали фигуры в привычных шинелях и касках, но вместо лиц была темная маска со стеклами вместо глаз и хоботом.

– Вперед, Андрюха! – толкнул в спину дядя Игнат.

– Ты чего противогазов не видал? Это только нас офицерье на газы без защиты посылает.

Противогазы! Андрей даже развеселился от такого простецкого объяснения. Оказалось, радоваться было рано. «Противогазы» не кричали, зато ловко стреляли из карабинов. Выстрелы перемежал лай немецких офицеров. Боль-

шая часть русских солдат обратилась в бегство. Немцы их не преследовали, фигуры в противогазах окружили агитатора – тот тоже не стрелял, видно, закончились патроны, Андрея, Игната и еще нескольких солдат. Ощетинившись штыками, русские образовали круг. Со всех сторон на них нацелились карабины. Андрею было очень жалко умирать, Игнат тоже понимал безвыходность положения – убью десять раз, пока штыком дотянешься.

– Слышь, агитатор, сдаваться надо – всех положат за зря. Мальчонке вон жить и жить. Давай командуй.

Ильин воткнул штык в землю, остальные последовали примеру. Смерть на миру красна, да только цель еще не достигнута.

Военнопленные выстроились. Подошел немецкий офицер – галифе, пенсне, тросточка. Китель отутюжен, сапоги блестят – сразу видно штабная крыса. Ткнул тростью в красный бант:

– Большевик?

– Большевик, большевик. – на чистом немецком ответил Ильин.

***

– Вихри враждебные реют над нами, в бой роковой...

В молодости Александр Федорович собирался стать оперным певцом, потом артистом, даже подумывал об арене цирка. Но Февральская революция уготовила ему сцену, зрителями которой стали граждане всей Российской импе-

рии. Женщины его боготворили, мужчины копировали стиль одежды и телодвижения. Керенский провел ладонью по ежику серебристых волос, сунул два пальца в отворот френча, повернулся перед зеркалом.

-До чего хорош, мерзавец!

В этот знаменательный день нельзя ударить лицом в грязь. День прибытия plombированного вагона. День позора большевиков – этих беспардонных хамов и наглецов!

– Пора, Александр Федорович! – в дверь сунул рожу адъютант. Сам министр на военной службе никогда не служил, но в столь тревожное время и во френч нарядиться можно и помощника адъютантом назвать. Хотя бы про себя.

– Иду-иду.

На крыльце уже ждал черный лакированный «Рено», верх поднят – накрапывал весенний дождик. Керенский с адъютантом сели на задние сиденья. Сначала Александр Федорович думал самолично подрулить на перрон, но из гаража в последний момент прислали машину, на которой не было навыка вождения, а заглохнуть на глазах у толпы или, чего доброго, въехать в зрительный ряд – это моветон! Ничего, так даже солиднее!

– Михаил Львович, – Керенский повернулся к помощнику. – Вы оповестили всех журналистов о часе прибытия? Полицейских сил достаточно для задержания? Рабочие массы не смогут его отбить?

– Не извольте беспокоиться, Александр Федорович! Жур-

налисты и фотографы в первых рядах, там же полицейские в штатском, вооруженные наряды заступят с обеих сторон вагона, нас также будет сопровождать охрана. Жандармы оцепили прилегающие улицы.

Ровно тарахтел двигатель, кузов плавно качался на ресорах, поездка обещала быть одним удовольствием. «Рено» с узнаваемым профилем на заднем сиденье медленно проехал через ликующую толпу, остановился на перроне в пятидесяти шагах от железнодорожного полотна. Водитель развернул автомобиль так, что Керенский вышел прямо под магниевые вспышки фотографов. Побросав зонты, к министру сунулись было газетчики, но широкоплечие молодцы профессионально оттеснили и мужчин и женщин перемежающихся профессий. Керенский встал в позу Наполеона, нахмурил брови, картинно разворачивался профилем к рядам зрителей.

Умиротворенность серого утра разорвал гудок паровоза. Окутанное паром закопченное стальное чудовище вопило о своем приближении. Высекая искры, завизжали диски застопоренных колес. Провернувшись в обратную сторону, колеса накалили рельсы до красна, опломбированный вагон остановился точнехонько в центре перрона.

Толпа затихла, тонкая артистическая душа Александра Федоровича уловила фантомы чего-то страшного, исходившего от проклятого вагона. Надо было нюхнуть кокаина, подумал министр.

Тишина длилась минуту. Чья-то чудовищная сила сдвинула дверь вагона, лопнул стальной трос с plombой, толпа в ужасе ахнула. Сфинктеры Керенского ослабли, штаны пришли в полную негодность.

В открывшуюся дверь поочередно спиной вперед выпали два трупа. В центре проема, широко расставив ноги, стоял человек в германском обмундировании. Сапоги блестели из-под черного каучукового плаща, под каской блестели стекла противогаза. В правой руке воин держал длинную трубу, в левой – маузер.

Из трубы вырвалась струя пламени, журналисты и агенты в штатском отпрянули. Толпа ухнула назад, женский визг, обмороки, мокрые штаны – интеллигентная публика превращалось в стадо испуганных бабуинов.

Воин прыгнул на перрон, еще раз брызнул огнеметом, убедившись в безопасном проходе, сбросил баллон с керосином. В стеклах противогаза отразился бобрик Александра Федоровича, следом лакированный кузов «Рено». На Керенского налетел ужас в черном плаще, очнулся министр много позже.

«Черны плащ» подлетел к автомобилю, водитель нюхнул ствол «Маузера», понимающе поднял руки. Воин запрыгнул на заднее сиденье, в окно полетел противогаз.

– В Смольный!

Взвизгнули скаты, толпа бросилась в стороны, черный автомобиль помчался в город.

– Ленин вернулся! – Катилось по толпе...
2013

Чисто гипотетически...

Государство перестает существовать, когда гражданам становится на него наплевать.

Возьмем гипотетическую ситуацию. У государства, юридически занимающего 1/6 или 1/7, до хрена короче, суши, плохие люди захотели отжать чуток территорий. Без эгоизма: Россию решили поделить высокоразвитые страны. Гипотетически – война. Третья мировая.

Кому нужна Россия? Кто нападет? Тупые американцы? На хрена им наша страна, с таким умным населением? С прогнившими трубами, буровыми за Полярным кругом, чуркобесами, да еще за океаном? Поклонники Задорнова начали возбуждаться: да америкосы спят и видят! нашу Русь-матушку захватить, распилить и сожрать! Член с ним, с Задорновым. Он гонорары в долларах за концерт (за лапшу сладкую в пороссячьи уши) получает, уверен, большую часть года не в России живет.

А нужна территория реально наша только Китаю. Самое большое количество танков, самая большая армия. Для чего? С монгольцами воевать? Китаю нужен Дальний Восток до самого Урала.

Предположим, Китай начал войну. Как она начнется? Чую, не так как в кино: Гитлер, исчадие ада, совершенно неожиданно ровно в 4-00 как напал на бедный мирный

СССР! Как всю нашу армию красную сгубил одним налетом, самолеты все и танки пожег, два миллиона героев в плен взял! Козел, тварь продажная!

Ясен перец, война будет очевидной самое меньшее, я думаю, недели за две до начала. Переброска войск, техники, горючего и так далее. И гражданам станет ой как понятно, когда засуетятся товарищи из родного военкомата – уточнения, перепись, все такое. До ополчения не дойдет, все решится раньше. Это вермахт шапками и трупами закидали, а миллиард китайцев не запугаешь ни казаками, ни дикими дивизиями, ни надувными танками. И на ядрёные ракеты уповать не надо – это все от Задорнова. Радиус поражения у бомб не особо великий: километров 3-5 – капец всему, 25-30 шансов выжить немного, остальное от направления ветра зависит. (сейчас возбудятся супервоенные и начитанные – ТТХ из википедии приводить и Хиросиму с Фуудзиямой вспоминать).

Не успеют много народа призвать, физически не успеют, как танки Поднебесной по Сибири рассекать будут. И дизель у них не замерзнет в баках, и масло Кастрол в картерах.

И вот снова гипотетически (слово смешное – я же для смеха предполагаю, смешной же рассказ): я житель крупного города в Сибири, лет мне этак 40-45, имеется карабин, какие-то запасы, навыки выживания, допустим. И самое главное, родные все со мной. Не надо собирать никого. По городу полиция с военными гоняют, призывников за шиворот хватают разного возраста. Хренак – ко мне пожаловали. И вот

вопрос: бараном быть – «Пойдемте, господа военные, щекастые и здоровенные, очень хочу Родину защитить!», или послать подальше, перестрелять из карабина и свалить с семьей в укромное место?

Кого я буду защищать? Путина-Медведева, Кабаеву с Хоркиной, начальников-пидаров, соседа-наркомана, Рафика невинного? Сейчас все умники начнут: «защищать ты будешь товарища в окопе!» умники, ****ь! Не будет никаких окопов. И товарищ будет ждать, когда ты первым на пулемет полезешь. А у него дети, ему нельзя!

Идите на ***! Совсем не гипотетически выбираем второй вариант. Уходим в леса. А там снова два варианта: захватчики берут власть и обустроивают жизнь таким образом, что живется при них лучше, чем при родной власти, или «идет война народная», опыт вьетконговцев и белорусских партизан вместе взятых. Европа (Москва) нам (Сибири) не поможет – на *уя?

Дочитали? Патриоты возбудились? Готовы?

А теперь припомним посыл: «Государство перестает существовать, когда гражданам становится на него наплевать». Мне плевать на государство, так же как ему плевать на меня!

И разворот на *** знает сколько градусов: все это понимают наши достойные правители. И никакой третьей мировой войны не будет. Потому что она уже проиграна. И дядя Вова в обмен на бусы (виски, шмотки, айпады, автомобили и всякую *уйню, доставляющую детскую радость аборигену)

отдает в аренду Дальний Восток. Потому что самим не удержать и не попользоваться. А еще потому что народ вооружать нельзя – а как новый Ленин из заграницы прискакнет! И назад Сибирь китайцы не отдадут, никакой Расторгуев не растрогает. Очевидно же – заражают! А вот просить наоборот некому будет.

2013

Писатели, издатели, читатели

«Без писателя нет издательства. . .» Без читателя, точнее его кошелька, а еще точнее – без желания читателя раскошиться на некоторую сумму, нет издательства.

Лицемерие и жадность ведут к взаимной деградации.

Рассмотрим все три категории по-простому, без интеллигентных соплей.

Писатели.

Сразу отбросим тех счастливцев, которые графоманят для души. Они голову не ломают, мозги льдом не обкладывают, радуются тому что напишут и не думают заработать.

Отдельная категория графоманов – воинствующие. Те могут за свои деньги издать книгу, лишь бы прочесть свою фамилию на обложке.

Самое громадьё – обитатели прозы.ру и самлиба. А кто не хочет издаться и получить гонорар? Все, чего там.

Издатели.

Издатели – это прежде всего коммерсанты. Времена государственного контроля и распределения вознаграждений закончились в конце восьмидесятых, времена духовности еще раньше. Гонорар – товар – деньги.

Ан подпортил все проклятый интернет! И для издателей и для писателей. И уже читатель = писатель-чукча.

Издатели стонут, вскрывая очередное электронное пись-

мо с пометкой «для главного». Главный отправляет «нетленку» вниз. Кто-то там из стажеров читает неизвестных авторов, от большого самомнения резюмирует: «мне не нравится», умничает: «неверная точка зрения...», шаблоны..., в слове «кий» три ошибки...» Это для главного резюме. Для автора – белое безмолвие. «Мы свяжемся с Вами, если рукопись заинтересует...» Ага. А пока Акунина с Корецким переиздадим в новой обложке – уж точно не подведут, «сукины сыны».

Читатели.

Вот он любимый наш человечек с бабулечками.

Кто же такой читатель? А вот вам версия. Только не бить ногами – люблю себя до безобразия. Читатель – ботанического склада мужчина, либо женщина с комплексами. Впрочем мужчина тоже с комплексами. Короче: читатель – человек с комплексами. Те, которые без комплексов, "пиво пьет, водку жрат" и сериалы смотрят. Серия за серией им серят в голову вперемешку с рекламой. Счастливые люди! Те, которые без комплексов.

Читатель как человек естественно любит себя. И не любит когда его мордой по комплексам. К тому же, только не надо в «дождизме» сейчас обвинять, книги мы рассматриваем с русским буквами. Читают книги 99,99 процентов именно русские бота... люди. Уважаемые чечены с киргизами ходят в свои библиотеки под зеленой крышей. А у русских, те которые читают, очень, очень много комплексов. И герои им

нужны, которых они полюбят как себя. И вот гора книг про попаданцев. Уж я бы им показал! Кому им? Кого можно мочить, а мочить ужас как охота, без того, чтобы не заподозрили в жестокости? Ответ простой – фашистов и зомби. И те и другие нелюди: зомби – куклы, фашисты – здесь даже и рассуждать нечего – мочить, нельзя помиловать. Мочить, и никаких гвоздей! За такие книги и денег не жалко.

Опаньки! Тут и писатели: вот вам, господа патриоты земли Русской, текст суровый, названия brutальные, герои как прямо с вас списанные! Пишут от первого лица, от последней буквы алфавита на странице в глазах рябит, но это ничего – так писать проще, а эти, которые с комплексами, схавают. Еще удобно про старину царскую писать. А чего? булki хрустят, сабли звенят, обороты многословные – одними "ваше превосходительство князь Оболконский-Тавический" можно из рассказа томик толщиной в кирпич настругать. Еще тем удобно, писать можно не торопясь, не зависеть от быстро меняющегося настоящего.

Тут и издатели: обложки глянцевые, дяденьки с ППШ, да с эполетами. А для женского пола почти тоже самое: следовательно умные и сексуальные, роковые бизнесвумен и чего там еще. В женской прозе не силен, каюсь.

Отличный симбиоз – писатель+издатель. Казалось бы чего надо еще? Ан вот не разбежались «сукины дети» такие романы клепать – мозги у них, видишь ли, слипаются и гонорары уже складывать некуда.

И до известного места уже всех этих попаданцев. Во все времена, ко всем царям уже подослали суперских ребят писатели. Те, которые не «дети».

Вампиры еще есть! Эх, а тут забугорные клавишники опередили. Там у них все цивилизовано: накропала девица роман, тиснула на Амазон – хлоп, уже миллионерша. У нас шалишь! Хрен тебе, а не платная закачка! Не дадим разбогатеть!

Бац – обратная зависимость пошла! Тексты – КГ. Авторы – невежды. Читатели от комплексов избавляются (пиво пит, водку жрат, глухарь смотреть). Книги издавать невыгодно.

Читатели – люди, писатели – люди, даже издатели – и те люди. Деградация заразная вещь. И передается, сволочь, и через листы с офсетной печатью и по оптоволоконным линиям.

2013

Комплекс раба

Выхожу из магазина, натыкаюсь на грузчиков. Парни разгружают «Газель», один – низкий, плотный в толстовке с кашпоном, сало в подмышках раздул:

– Всё – Крым наш! Украина наша!

Говорит громче чем надо, чтобы слышали окружающие. У самого морда классического унтерменша, каких на тех самых плакатах изображали: круглая, одутловатая, нос картофаном, подбородок скошенный, глазки темные. Патриот неебацца! Главное, говорит, будто сам сегодня утром вернулся с передовой, где бандеровцев сжигал напалмом. Этот самый унтерменш, смысл существования которого на*бать работодателя, врезать по пивку и вы*бать дворовую шлюху. Крым его! Расея вперде! Вован – император! И Недимон тоже парняга хоть куда! Да мы за них, ****ь, любому жопу порвем! И по*уй на доллары ихие, мы готовы за пузырь и закусь работать. Ну как работать. Так, чтобы не перетруждаться, ясен ***!

Комплекс раба, возвращенный на останках Орды. Смешение рас превратило потомков русских в ленивое быдло. Орут: «Я русский! Хочу, чтобы меня боялись! Хочу верить в то, что я смогу напугать!»

Комплекс раба. Русский, которого кавказец не считает за человека. Русский, который дал право кавказцу считать

себя рабом. Русский, от национальности которого осталось только название.

Боялись, боятся и будут бояться – главное самому поверить в страшилку. Эту страшилку, как вкусный леденец, суют правители в смрадные рты, чтобы не дай бог не взроптали. Всегда нужен образ врага, чтобы не расслаблялся народец, чтобы знал, за что недополучает за свой труд. Антанта, фашисты, американцы, террористы из сортиров, теперь вздумавшие восстать украинцы. Ах, да – евреи! Как же без них! Они, суки, воду с газом с****или, заговоры плетут против России-матушки! Но мы им всем покажем! Мы! Мы, ****ь, всех от****им! Да у нас самый лучший автомат (ракета, бомба)! Отсюда следующая максима – да наши начальники самые начальники! Отсюда следствие – мы = рабы.

Рабский труд, рабская зарплата, рабское сознание. Но ведь хочется считать себя человеком, уважать себя хочется, но так, чтобы ничего не делать, сидя на диване: «Чего у вас там в Эвропах? Жида с фашистами-бендеровцами голову поднимают? Падлы какие! Да мы им, да наш царь ихнего царя! У нас царь, всем царям царь!»

Как же хочет раб заявить о себе! «Я может, работать не люблю, зато так сломаю! А ну бойтесь меня!»

Животный страх раба, осознание своего рабского положения рождает злобу в отношении человека, не желающего быть рабом.

Правители (так и хочется штампом – многострадальной,

а кто не дает быть счастливым? те же штампы) России как бы там ни было есть плоть от плоти: то же рабское сознание, та же хитрожопость, то же умниченье дурака. Первейшее отличие от Европы: на*бать, на*бать и быть счастливым. Рашка (название нынешней страны с зомбированными жителями) поступила как всегда по-хозяйски – слово дала, слово взяла. Вот это главное, что отличает унтерменша от цивилизованного человека – неспособность держать слово. В средневековых европах рыцари отвечали за слова. Их потомки живут так, как должны жить свободные люди.

Россияне живут так, как заслуживают.

2014

Про меня, про страну, про стыд

Давно разменял пятый десяток. 18 лет служил. 2 года в СА, 16 лет в органах, как говорится на переднем краю – в уголовном розыске, причем не в каком-нибудь главке, а на земле. 15 лет получал копейки, служба реально «дни и ночи», один выходной в неделю, больничный брал, только когда на операцию ложился. Не понравился новому, молодому, но великому, начальнику отдела. Не понравилось Великому, как отвечал при сдаче дежурства. Передал через жополизов: «увольняйся, или сожрем». Сожрали. Система ломает через плечо. Вызвал начальник всея полиции настоящий полковник с азербайджанской фамилией и предложил написать рапорт по собственному. Махал книжкой моей «Спасение неизбежно»: – Не уволишься, 228-ю возбужу! К тому времени нижестоящие начальнички морально подготовили. Проклял систему, ушел за два года до пенсии. Это обо мне, чтобы было понятно – система мне знакома.

Прекрасно понимаю, сотрясение эфира не приведет ни к чему. Абсолютно. Интернет.ру – подобие кухонь в квартирах советских интеллигентов – отвел душу, поумничал с подобным ботаником. Аналог «ты меня уважаешь, я себя уважаю», «как жесток мир». Но не могу молчать и все тут! Последней каплей стал бред про генетические различия между западными и восточными украинцами.

Отступление. Представьте, что живете в Германии конца тридцатых. Сравнение заезженное в последние дни, понимаю, но верное. Хотя не совсем. Гитлер хоть автобаны построил сначала, рабочим зарплаты поднял, преступность искоренил. Так вот, живете, живете, и вдруг узнаете, что вождь ввел войска в Чехословакию. Там немцам не дают по-немецки разговаривать. Дальше все знают, что случилось. СССР задавил массой, Германия проклята, немцы=фашисты. В итоге: «Спасибо деду за победу» и нищенские пенсии старикам и дрочево на немецкие и японские иномарки и китайский ширпотреб и «Она утонула».

Отступление. Вы пробовали именно смотреть телевизор, а не вникать истеричным воплям? А жизненный опыт ничего не говорит, когда видишь самодовольные толстощекие хари депутатов и сенаторов? Я про наших хитрованов-либоблюдов говорю. Еще одна деталь – телевизор нам выдает только ту картинку, которую одобряет руководство канала. Руководство независимое? Независимым в нашем государстве может быть только очень-очень-очень богатый человек. Да и на него найдется снайпер. Поэтому – очень богаты и очень смелый.

Я видел на Майдане простых работяг. Они собирали камни с мостовой, что-то носили, кормили бойцов. Их купил Госдеп? Американцы спят и видят, как бы навредить России, отхватить Сибирь, заполучить наши автозаводы? Видел жирных, даже не удосужившихся переодеться во что попло-

ше, очкариков, шевелящих толстыми губами: «Бандиты захватили власть, Путин, спаси!», истеричных торговков, чуть ли не влезających в объектив с пеной у рта: «Убивают бандеровцы!»»

Украина – практически мононациональное государство. Братский народ, но желающий быть независимым. Чтобы там не происходило, как бы не менялась власть (про славную Октябрьскую революцию не забыли, про сгорбившегося Горбачева в Форосе не забыли, про «слава Ельцину!» под танковый салют помните?), никто не вправе вмешиваться во внутренние дела. Даже если президент с двумя ходками по малетству попросил. Не будешь мил насильно.

Иран-Шмегеран, Сербия, Ливия – как любят поспекулировать о том, чего толком не знают наши интернетбойцы с окололитературных сайтов. «Тупые американцы бомбят мирных жителей». Входили ли в эти страны войска НАТО без санкции ООН?

Версия №1. Путин сошел с ума. Такое тоже бывает. Купание в кипящем молоке, подражание Сталлоне, знаете ли, до добра не доведут. Меркель после делового свидания (психолог по образованию) такой диагноз и выдала.

Версия №2. На мой взгляд, самая верная. Задушить революцию не просто в зародыше, а в матке чужого организма. Чтобы не дай бог на Манежной эмбрион не зародился. «И танки наши быстры!»»

Версия №3. Бюджет разошелся на распилиаду и подарки

спортсменкам. Доллар неминуемо влетает. Но! Нужна хорошая мина при хитрой игре:

– Внимание! Ввожу войска! ООН по барабану! Антанта устраивает блокаду! Не виноватый я! Включаем печатный станок! Вауля – деревяшки в банке.

Версия №4. Волжские татары через знакомую спортсменку попросили соединить их крымскими. Вот такой халифат получается.

Версия №5. Мы чего-то не знаем, и завтра воссияет Россия в границах 1913 года и каждый россиянин проснется богатый и гордый за свою великую империю.

Истерия в рунете: «Путин – мужик! Крым возвращает!», «Путин, мы тебе все простим, отбери Крым, спаси от националистов!»

«Дайте мне средства пропаганды, и я превращу народ в свиней!» – Геббельс.

Первые дни истерия была настолько глупой и смешной – местные геббельсы не ожидали такого поворота. Как прославить руководителя, уподобившемуся Г. (даже фамилию страшно произносить). Но зарплату надо отрабатывать. И понеслось – «фашисты», «бандеровцы», бла-бла-бла! «Януковича могли убить!» фотографии бойцов российского спецназа непременно с детьми и их счастливыми родителями. Сам Кадыров с милицией пообещал приехать!

Русский народ из свиней превращают в баранов. Ему залезает в кошельки под предлогом: «иначе нас завоюют аме-

риканцы!»

Мне стыдно за свою страну, которая превратилась в азиатское царство. Мне стыдно за народ, гордящийся лапшой на ушах. Стыдно за себя, потому что от меня ничего не зависит.

Бывшим президентам у нас с беспалой руки первого президента всем по гарантиям. Это раз. Практически несменяемость одного президента с 1999 года. Это два. Избавление от бывших партнеров, замена своими людьми. Это три. Увеличение зарплат военным, полицейским, тюремщикам. Это четыре. Дальше пойдем без счета: чуввыборы с 146-ти процентным выигрышем – Путин наш царь президент! Православие нынче в почете, а с женой – так общее решение. Олимпиада – пир во время чумы? Деньги, деньги, дребеденьги – куда же их девать? Вот много у человека денег, взалкалось ему славы! Манежная вам, Болотная? Вот вы у меня где! (Крепким таким кулаком в телекамеру, и лицо так заострилось!)

И в самом деле убедился вождь, что он вождь, когда все радовались путешествию гаснущих огней. Выходец из той же системы, он не может не понимать, как ему докладывают. Плохо доложишь, погонят взащей. Значит, надо нижеИжащих так дрюкать, чтобы они несли ту информацию, которая надобна главному. Вертикаль такая вертикаль. А несут, значит – боятся, значит – холпы, значит – все правильно – Аз есмь!

И вот уже сыпятся лавры Наполеона...

«Вы его куда положили? В шестую палату, там, где рань-

ше...» (С).
2014

Вместо тысячи слов

«Я устал, я ухожу». – сделал новогодний подарок Ельцин. Запинающийся на каждом слове товарищ Путин. Удивительно быстрая Собчачья смерть – возвращенца из города Парижа.

Владимир Владимирович такой молодой и юный – лицо интеллигентное, глаза умные. Политологи умело лепят имидж Штирлица..

Война № 2.

Неожиданные для президента слова, поначалу шокирующие публику. Дальше – больше: «Она утонула». Поцелуи в животик. Первое лицо бакланит не по-детски, часами и без бумажки. Как роль выучил. И академик Кадыров лучший друг.

А был ли Путин? Все видят и не смеют думать. Давние слухи о болезни президента. Слухи рассеиваются – В. В. П. скачет верхом на медведе, возглавляет перелет стерхов, купается в кипящем молоке.

«Царь, говорят, не настоящий!» Вместо умного тонкого лица петербуржца на экранах заплывшая салом азиатская физия. Развод и девичья фамилия. «Мне надо сначала Людмилу пристроить, потом о свой личной жизни подумаю». Где в далеких банках крутятся фамильные счета. Кому-то не выгодно наследственное право. Слишком многое завязано на

одном человеке. Слишком многие под штандартом.

А Путин ли? А Ли – Путин? Али – Путин? Али Путин-баши.

Вы еще верите в сменяемость власти? Тогда Чуров придет к вам!

Странная страна – половина в Европе, половина в Азии. Евразия. Азиопа-с(с). Цари всея Руси – с Ивана Грозного до последнего президента. Премьер, и.о. президента, президент, президент, премьер (регент), президент... Долгих лет, господин президент. Возможно, в году этак в 203?-м мы вспомним вас добрыми словами. При следующем президенте – бородатом академике в чалме со звездой героя на груди.

2014

Депрессия

Я смотрю на дочь. Ей 3 месяца, она лежит в кроватке и улыбается. Я смотрю на дочь и представляю себя на месте простого рабочего. Немецкого рабочего конца тридцатых прошлого столетия. Через несколько лет он займет место погибшего солдата вермахта и будет честно исполнять приказы. А еще через несколько лет его страна будет лежать в руинах, в воздухе кружить пепел Дрездена, а земля смердеть кровью. Хорошо, если к тому времени солдат погибнет в сражении и не узнает о судьбе близких.

Никто не хочет говорить об очевидных вещах. И, похоже, никто не хочет о них думать. Думают за нас другие. Те, для которых материальная сторона в жизни уже не играет большой роли. Те, которые сами начисляют себе зарплату.

А пипл хаваает державный наркотик, тренирует ушные раковины макаронными изделиями первого канала.

А вещи простые до невозможности. Кто-нибудь помнит, чтобы доллар реально снижался? Не на копейку назад, две вперед, а по-настоящему? Хрен с ним с долларом, если бы цены в магазинах не повышались. А они, интересно почему, повышаются. Хрен с ним с повышением цен, если бы повышались зарплаты. А они... Получается за «няшку Крым» платит народ. Ничего, мы стянем пояса, главное чтобы халифат прирастал черноморскими территориями. Главное, что-

бы халифат был под руководством российского академика.

Прежде чем кидаться говном и банить, посмотрите на то, что на вас надето. Хорошо, если носки еще отечественного производства. Вспомните, сколько стала стоить заправка «трофеев из Берлина» отечественным бензином. Бензином, производящимся из все дешевающей нефти на предприятиях, принадлежащих частным лицам. А «трофеям», к тому же, нужны запчасти. ТАЗ пока не рулит.

Сельское хозяйство, животноводство. Когда-то и в России такое было. А сейчас в России свистят санкции. Но русских санкциями не запугаешь! У нас есть трубы, где свистит газ и струится черное золото. Так что русских чиновников класса А и олигархов не запугаешь! А нерусских тем более.

Российскому народу поможет Китай. Прибалтийский гражданин М. Задорнов на гастролях веселил народ: «Тупые американцы не хотят дружить (давать кредиты) с нами (с кем «нами» интересно), а мы будем дружить с Китаем!» И народ в зале смеется. С этакой снисходительностью – ****оглазые нам, великороссам, только рады будут угодить! ****оглазия, хуле! Бегают там полтора миллиарда, как тараканы, завидуют нам! Вот с ними мы и будем дружить против Америки. Ага, уже. Спят китайские товарищи в обнимку с портретом Мао и видят, как Россию в мировую державу вывести, как население мясом бамбуковых коров завалить, как с сибиряками породниться. Они же братья наши меньшие. Китайцы в смысле. Миротлюбивые, трудолюбивые, дисциплинирован-

ные.

Я смотрю на дочь и вижу наспех забросанные промерзшей землей братские могилы. Родной землей, которая комками летит из-под гусениц китайских танков.

2014

Нет, сынок, это фантастика

– Федя, помоги сделать уроки сыну! – звонкий голос из кухни.

– Да, родная, иду.

Глава семьи отложил планшет и прошел в комнату сына.

– Ваня, ты сделал домашнее задание? – Федор заглянул в ноутбук сына.

– Да, папа, сейчас смотрю информацию в роснете, хочу на уроке истории заработать дополнительные баллы.

Федор взял электронный учебник со стола.

– Здесь какая версия отечественной истории?

– За 2039 год, двухлетней давности, новее нам не загружали.

Федор вздохнул, положил ученический планшет на место. Брови сами сошлись в одну линию, спина выпрямилась, ноздри раздулись.

– Что с тобой, папа? – глаза сына за стеклами очков тревожно заблестели.

А Федор напротив широко улыбнулся и сказал:

– Все хорошо, мой мальчик. Просто я решил, тебе пора знать правду. Пришло время.

Глава семьи сел на диван, снова улыбнулся.

– Эту версию истории я знаю наизусть. А теперь послушай, как было на самом деле.

Ваня переместился с компьютерного кресла на диван к отцу.

– Примерно 60 лет назад, – начал отец, – тогда еще в СССР стали вымирать последние коммунисты-сталинисты. Те, которые верили в то, что Советский Союз единственно правильное государственное образование. Страна была огромная. Империя. Много национальностей в нем жило. Все поразному, потому культурный уровень у всех был разный. Кто в саклях навоз заваривал, маковый сок добывал, дела наркотики и продавал, кто с гор спускался и грабил тихих горожан, а кто в Прибалтиках кутил в барах, ездил на иностранных автомобилях и с ненавистью смотрел на тех, чья родина была между двумя крайностями. А на этой родине люди тлетворно разложились, почувствовали – режим-то не железный.

Федор улыбнулся, щелкнул сына по носу.

– И тогда у наших вождей возник план. Работать бывшие советские люди давно разучились – платили рабочим, как рабам, а начальники свои накопления из страны вывезти не могли. А в 90-е год стало все можно. Собственность, которая была государственной, приватизировали, разделили самые смелые и нахальные. Они стали продавать нефть, газ, алмазы в Европу и Америку. Для них это оказалось очень выгодно: не надо вкладывать деньги в долгострой и науку. Нужна была сиюминутная прибыль. Поэтому Великий Китай заполонил территорию России дешевым товаром. Товары народного потребления становились все качественнее, и

россияне перестали кривить носы, тем более после того, что случилось дальше.

– А что случилось? – Вани блеснул очками. Он даже не мог подозревать, что китайские товары могли быть некачественными.

– Слушай! Их пьющий лидер стал совсем неадекватным. Он не слушал советов, поэтому его было решено заменить.

– Я знаю, ты говоришь про Ель Цина. Это был первый президент. Он еще тогда выступал по телевизору и сказал: «Я устал, я ухожу».

– Закрой за мной дверь. – хмыкнул Федя.

– Какую дверь?

– Это я так, сынок, песенку вспомнил. Так вот, на того Ель Цина наехали черные бандиты с Кавказа. Он хотел отдать приказ сравнять горы с землей, наплевав на брата Билла и ООН. Хорошо, наши агенты использовали его окружение и не допустили этого. Место неадекватного теннисиста-алкоголика занял дзюдоист. Ему очень нужна была поддержка народа. А в то время в российских городах произошло несколько взрывов. Жилые дома взорвали чеченцы – те самые черные разбойники. У них была простая цель – жить за счет русских. Русские тогда еще не были такими как сейчас. И у них были свои бандиты, но они были немного цивилизованнее, и это было не на пользу Великому Плану. Бандиты могли перестать быть бандитами и наладить экономику, а тех бандитов с Кавказа уничтожить. А по Плану, Кав-

каз должен держать в страхе русских. Поэтому, умело манипулируя общественным мнением и Европы и самой России, наши руководители не допустили полного уничтожения чеченских боевиков. Новый президент-дзюдоист просто купил их. В Чечню повезли деньги и забыли о том, что там резали русских. Это сейчас их столица Грозный – трущобы, а тогда самый дорогой после Москвы город.

Федор смотрел вверх головы сына.

– Все шло по Плану. Президент правил два срока, после поставил на свое место маленького человечка с большой головой. На первый взгляд – клоуна. Но тот выполнил свою миссию – внес поправки в Конституцию и ввел интернет в массовое пользование. Интернет стал доступен самым необразованным слоям населения. Вместе с бесплатными фильмами и сериалами в головы пользователей можно было вкачать любые установки. Государство, а точнее те люди, которые стояли на государственных постах, выкупили социальные сети, призвали так называемых интернетгастарбайтеров.

– Как это? – изумился Ваня. – Разве можно в сети быть гастарбайтером?

– Люди, которым платили российские правители, не обязательно должны были проживать на территории России. Но должны были славить президента и его курс, писать про злую Америку и лицемерную Европу. Так к телевизору добавился еще более мощный способ воздействия на сознание.

– А дальше?

– А дальше уже начались те самые события, которые я мог видеть своими глазами. У руля снова стал дзюдоист. У него были большие амбиции и большой золотовалютный запас. Часть которого, правда, находилась в банках Америки. И личное состояние его тоже было большим. Его окружение тоже к тому времени обеспечило себя всем – и счетами за границей, и недвижимостью. И схемами приобретения гражданства, в крайнем случае. К тому времени другие черные, из Дагестана, позавидовали братьям и стали добиваться той же судьбы, что и чеченцы. Молодые чеченцы и даги вели себя в русских городах, как хозяева. Русские стали волноваться, хотя настоящих мужчин становилось все меньше – многие спивались, часть умирала от наркотиков. Но молодые вышли на площадь перед Кремлем и стоило больших усилий охладить их порыв. Чтобы такого не повторялось, а скорее всего из-за тех самых амбиций, дзюдоист, кстати, сынок, к тому времени уже и дельтапланерист и пловец и наездник на медведях, и делал он это не от своего имени. Так вот, он сначала втрое увеличил жалование военным, затем МЧС, милицию переименовал в полицию, также увеличил зарплату, выгнав всех, кто может задуматься над приказами. Затем увеличил зарплату сотрудникам тюрем и колоний. Сотрудники понабрали кредитов и сели на крючок, никто из них теперь против начальства не пошел бы. При этом само государство взвалило на себя расходы по проведению Олимпиады и футбольного чемпионата. Наши секретные агенты то-

гда хорошо потрудились.

А здесь подошел главный поворот. В Украине народ захотел присоединиться к Европе. В Киеве на Майдане выросли баррикады. Здесь дзюдоист совершил роковой поступок – связался не в свое дело. Украинского президента-уголовника спасла ФСБ, вывезла в Ростов. В Кремле вспомнили про долги Украины за газ. Вспомнили про былое величие, про ядерные ракеты. Российские войска вошли в Крым. Кавказцам разрешили захватить столько территории, сколько они смогут. Так думали и кавказцев на службе оправдать, и страну увеличить. Пытались захватить восточную часть Украины, поставив туда марионеточные режимы.

Ваня слушал с открытым ртом.

– И все бы у дзюдоиста получилось. – Федор поджал губы. – Если бы у России была своя экономика. Но они привыкли к китайским товарам, привыкли к продуктам из Европы и Америки. А Европа с Америкой наложила санкции на России, как на государство-агрессор. А здесь мудрецы с Ближнего Востока повели свою игру, которая нам как раз была выгодна. Они снизили цены на нефть, и вся экономика России рухнула за полгода. Россиянам, тем которые пенсионеры, простые рабочие, продавцы, которые называли менеджерами, не на что стало покупать продукты питания. И продуктов становилось все меньше и меньше. Дзюдоист обратился к Китаю. Он сам поверил, что Китай бросится к нему в объятия и даст все, что он пожелает. Но не для того План

назывался Великим!

Федор встал, гордо поднял голову.

– В России начались бунты. Первое время военные и полиция контролировали обстановку. Но у разжиревших полицейских оказалась тонкая кишка. Их немного поубивали в стычках, и они стали защищать только себя. Дзюдоист понял, что стадо должно быть сытым, иначе управлять сложно. И здесь Китай обратился к нему с предложением. Партия переходила в эндшпиль. Дзюдоисту предложили продать Сибирь. И ему ничего не оставалось делать. Для сохранения лица сделку назвали «Помощью в освоении перспективных Российских земель». Всем китайцам, переехавшим в Сибирь, выдали Российские паспорта. А через два года состоится референдум, на котором проголосуют жители Сибири за присоединение к Великому Китаю.

Федор погладил сына по голове, всмотрелся в родной разрез глаз.

– Теперь ты понимаешь, Ваня, как надо будет голосовать и почему?

– Да, папа! И не нужно никаких войн, где будут гибнуть наши братья. – на великом и могучем китайском языке ответил сын.

2014

Все повторяется

Не кажется, все повторяется? Вот вам царь-батюшка, вера и отечество. Вот вам отечество – империю, особым путем несущуюся. Вот вам промышленники и енаралы, дворяне и скоморохи, земство вороватое и врачи там всякие с пятое на десятое. А вот все тот же рабский народ, только не в поле не за станком руками напрягаться не наученный.

2014

Другой уровень

Вот мы и перешли на другой уровень. Жизнь стала вдвое дороже, вернее, мы стали вдвое беднее. Справедливая цена нашей экономики. Ничего хорошего не производим, а что производим только для внутреннего употребления. Употребляя, отчетливо сознаешь убогость продуктов. А осознав, научились бы, напрягли силы и ... Но для этого нужны честные, бескорыстные руководители.

2014

Законопослушный гражданин

Солнечный луч пробился сквозь серебристые полосы жалюзи, на портрете президента над гербом и триколором сверкнул блик, напомнив о вертикали власти. Под флагом бублик часов сверкнул скромнее: то ли стекло другого качества, то ли время знало свое место. Стрелки показывали цифру десять, под часами хмурили брови трое мужей в мантиях.

– К чему этот театр, Вилен Антонович? Все уже решено, зачитали бы резолютивную часть для проформы в подвале и привет родителям. – глядя в зал, проговорил судья справа, смуглый мужчина лет пятидесяти с квадратными плечами.

– Действительно, – откликнулся, потрясая брылями, коллега справа, – не велика ли честь! Чем таким этот подсудимый заслужил суд присяжных? И почему в экстренном порядке, мы с Артуром Рустамовичем и с делом не успели ознакомиться.

– Могли бы не спрашивать, Борис Аркадьевич. Сценарий утвержден сверху. – задвигал челюстью центральной судья. – Главная роль у прокурора: Алхас Кадырович перед телекамерами уничтожает предателя родины.

– В генеральные метит? – скривился Артур Рустамович. – Говорят, он сам мемуары пописывает.

– Одни писатели кругом, черт бы их побрал. – сдвинул

брови Вилен Антонович. – То один блогер, то другой. Полностью, полностью интернет надо было отключать! Вы, коллеги, пока ознакомьтесь с делом, в папках приговор и все что нужно.

Присяжные, отпуская шуточки (о, какой загончик! театральное ложе! для вип-персон!), рассаживались на креслах за резным ограждением. В зале уже сидели зрители: в первых рядах – со стриженными затылками, на задних – с рыбьими глазами и жующими челюстями. Слева от судей барабанил пальцами по столу черноглазый крепыш в синей форме с полковничьими звездами на погонах. Прокурор поджимал губы, шевелил ноздрями, желваки катались под кожей, как скарабеи.

Грохнула дверь, в зал ввели подсудимого. Конвоиры сняли наручники, толкнули бритого на лысо мужчину в клетку. Наручники щелкнули в дужках решетки, конвоиры заняли места у входной двери.

– Позвольте, ваша честь? – вскочил прокурор.

Вилен Антонович кивнул.

– Сегодня, господа присяжные и прибывшие в зал судебного заседания, – торжественным голосом начал прокурор, – грубо нарушена сама судебная процедура – не подсудимый ждет прихода судей, а судьям впору вставать при входе подсудимого!

В зале зашумели, на лицах присяжных недоумение.

– Это ярко характеризует подсудимого! Его циничность,

наплевательское отношение ко всем нам, ненависть к Родине! Но мы сейчас вместе разоблачим его, присяжные вынесут правильный вердикт, а суд назначит справедливое наказание!

– Итак! – кулак прокурора впечатался в стол. – Встать, суд идет!

Все, включая судей, встали. Вилен Антонович махнул рукой, сел первым. Спустя несколько минут, когда в зале наступила тишина, секретарь огласила повестку дня:

– Слушается дело по обвинению Кабанова Дмитрия Петровича по статьям 275 и 280 прим. УК РФ...

– Что-то знакомое лицо у этого кадра. – склонился к председательствующему Артур Рустамович.

– Кадр судебным приставом в последнее время работал. Как раз в нашем суде порядок обеспечивал. – объяснил Вилен Антонович.

– Подсудимый заявил ходатайство о суде присяжных, – продолжала секретарь, – которое было удовлетворено, хотя по данным статьям возможно проведение закрытого заседания.

– В самом деле, – теперь вопрос задавал Борис Аркадьевич, – к чему зрители на процессе?

– Массовка из той же обоймы, что и присяжные. – завернул термином из прошлой жизни председательствующий. – Волноваться нечего. Съёмку ведет ФСБ.

– Понятно – Алхас потом сам отредактирует.

Прокурор как раз встал и перебил секретаря:

– Позвольте я озвучу обвинение так, чтобы было понятно простому народу, ради которого мы все и работаем!

Судья не успел кивнуть, Алхас Кадырович показал пальцем на клетку и обратился в зал:

– Этот человек, гражданин с позволения сказать, ненавидит свою Родину! Вот главное обвинение! Он предал ее, написав злобный пасквиль на всенародно избранную власть, распространяя яд лжи и злобы в средствах массовой информации. Тем самым он желает каждому россиянину только смерти, а значит мы должны уничтожить его самого, вырвать ядовитый язык из поганой глотки! И я готов не только отстаивать обвинение, требуя высшей меры наказания, я готов уничтожить его пасквиль, растереть в порошок гаденькие мысли, порожденные уродливым сознанием...

– Разошелся Алхас, однако. – проворчал Борис Аркадьевич. – Так мы до вечера заседать будем.

– Да уж. – проворчал Вилен Антонович и прервал прокурора:

– Внимание. Раз уж процедура с самого начала была нарушена, предлагаю сразу перейти к прениям сторон. Присяжные, внимайте, делайте выводы.

– Я предлагаю дать слово подсудимому. – сказал прокурор. – Скажи, Кабанов, почему Родину не любишь?

Подсудимый встал, в синих глазах блеснул огонь.

– Прежде чем говорить, позвольте адвокату сделать один

звонок. Ответит человек, к мнению которого вы не сможете не прислушаться. Тогда картина обвинения перевернется, и присяжные сделают действительно правильные выводы. Собственно, ради этого я и потребовал такого суда.

– Что еще за человек? – изумился прокурор. – У тебя было достаточно времени, чтобы этот человек, кем бы он не был, вмешался в ходе следствия.

– Прошу, сделайте звонок, иначе диалог не состоится.

Прокурор подошел к судьям.

– Чего он хочет? Зачем звонок? Кто знает, кто ответит, как бы на присяжных давления не было!

– Кому он может звонить? – усмехнулся председательствующий. – Его только один человек помиловать может, а уж он как раз этого делать не будет. Пусть звонит, разберемся с его контактами.

Прокурор вернулся на место.

– Хорошо, пусть продиктует номер. Адвокат, на громкую связь!

Кабанов продиктовал номер, раздались гудки, затем «Абонент недоступен, вы можете позвонить позднее».

– Что ж, звонок сделан, теперь я могу говорить. – Кабанов бросил взгляд на часы. 10-30.

– Почему я, по словам прокурора не люблю Родину? А что такое родина? Поля, реки, березки? Широта, простор, разгуляй? – Кабанов обвел взглядом зал. – Или все-таки люди и соответствующие общественные отношения? Скажите, как

можно любить землю – территорию? Где зима полгода. – Кабанов усмехнулся. – Нет, любить, конечно, можно в теплом домике, под пледом да с водочкой да под закусончик. Умом так только тронешься дома сидеть. А как людей можно любить наших?

– Так, давай, давай! – поддержал прокурор. – Прояви свои чувства к народу.

Кабанов, прищурившись на оппонента, продолжал:

– Сразу уточню, если говорю русский вместо россиянина, речь идет не о русом молодце с правильными чертами лица, не о потомке славянки и викинга, а о быdle с картофельным носом на смуглой ряхе с пивным брюхом.

Зал зашумел: «кого он быdlom назвал?», «смотрите, какой дворянин выискался!»

– Кого я должен любить? Алкаша в рюмочной, депутата-жиртреста, дорожного хама, мента продажного, соседа-доносителя...

– Хватит, хватит Мы поняли: народ тебе не ровня. И вот ты своим, с позволения сказать, произведением решил обличить, показать, кто виноват и что делать. Такой макулатуры диссидентами всех времен столько высрано, до сих пор убирать приходится. Те тоже себя самыми умными считали, только ничего сделать не могли – боялись!

Один из конвоиров придвинулся к другому, сузив глаза в щелку, сказал на своем наречии:

– Руске даже не рабы. Чмыри. Боятся что-то сделать, им

страшно сопротивляться, они даже повеситься боятся. Их и параша устроит.

– Этот, говорят, даже не сопротивлялся при аресте. – отвечал второй.

– Раз уж мы решили отказаться от эвфемизмов, тогда вопрос простой – почему в говне живем мы? Почему в Европе и Америке такие производства, дороги, небоскребы? Почему у них получается, а в России нет?.

– Э, слушай, у нас сейчас в Грозном знаешь какие небоскребы – мы с аллахом за руку здороваемся, когда он на вертолете прилетает! – не выдержал конвоир.

Прокурор сверкнул глазами на соплеменника, тот заткнулся, вытянулся по стойке смирно. Алхас Кадырович перенес взор на подсудимого:

– Значит, ты тоже решил отгадать, почему Россия живет по-своему? Решил великую загадку?

– А все проще некуда, – Кабанов исподлобья смотрел на прокурора, повернул голову в сторону судей, – не наебешь – не проживешь, я начальник – ты дурак! Вот вся российская максима, аксиома и парадигма.

– Ай, какой умный, слушай! – взвился прокурор. – Вот так взял и вывел эту самую парадигму!

– Действительно, подсудимый, – усмехнулся Вилен Антонович, – столько умов задавались вопросом «кто виноват и что делать», а здесь вот оно в чем дело.

– Эти вопросы уже часть ответа. – сказал Кабанов. – Ес-

ли бы в России все было по-правильному, вопросами никто себе голову не ломал, не утешал себя особым путем. А правильной Россия была только до монгольского нашествия.

– Вот как? Опять чурки виноваты? – оскалился прокурор.

В зале загомонили, присяжные вскочили с мест: "фашист!", "мало мы вас в 45-м", "ничо, можем повторить!", "чего его слушать, расстрелять в подвале..." Конвоиры раздули ноздри, схватились за кобуры.

– Потихе, – судья чуть замялся – товарищи.

Гомон стих.

– Давайте выслушаем подсудимого. Присяжным просто необходимо узнать, что у него в голове. Чтобы принять справедливое, – судья акцентировал, – правильное решение.

– Чтобы разбить эту голову. – пробормотал Борис Аркадьевич под руку председательствующему.

Кабанов посмотрел на часы над судейскими головами, сел на скамью. В его голосе не было никаких чувств, начиная, он смотрел в окно поверх головы прокурора:

– Русь изначальная была военной демократией. Вожди избирались за личные качества – силу, смелость, справедливость. В битвах вождь сражался в первом ряду. Вожди гибли за свой народ. Они гибли за род, за свою кровь. И в этом не было ничего сверхъестественного. До нашествия монголов. Монголы – это не привычные кипчаки и половцы, это скорее инопланетяне.

Из серой радужная оболочка превратилась в темно-си-

нюю, зрачки расширились, пушечными дулами уставились на прокурора:

– А еще точнее – животные. Чингисхан, которого скоро героем российской империи объявят – как же первый такую страну образовал от моря до моря! Так вот этот Чингис-посланник небес, как он сам себя назвал, был первостатейным животным. Сам он погибать никак не хотел и тумены свои организовал по принципу: командир на белом коне за спинами воинов руководит ходом сражения и погибнуть должен в последнюю очередь как самый ценный кадр. Все. Монголы вырезали всех русских. Настоящих русских. Отравили кровь. Кто хотели, выжили, но стали рабами. Признаться в этом никто, разумеется, не хотел. С монголами договорились о дани и переняли монгольскую организацию – начальник всегда прав, начальник должен иметь блага именно по статусу начальника, и именно должен! Власть, блага материальные, физический комфорт – есть для чего стремиться в начальники. А подчиненные – средство, расходный материал. Начальники назначаются по нисходящей. Чтобы стать начальником нужно вышестоящему понравиться, заслужить доверие. А как иначе? Что главный начальник назначать будет за ум и смелость? Он же не дурак – смелый и умный его место займет спустя некоторое время. Главный начальник назначает за личную преданность – очевидная вещь. И такая же очевидность – начальники не с неба падают, из народа выползают. И понятное дело, процесс выползания со-

провождается убаюкиванием совести – не наебешь, не проживешь.

– Личная преданность, – продолжал Кабанов, – может и оправдывает себя при войне, а дальше, в мирной жизни? Завоевал, надо удержать. И вот назвали процесс удержания – империей. Считается, гордиться надо, если живешь в империи – как же твоя страна огромная и великая! Слава императору!

– Слава императору! Слава аллаху! – вырвалось у прокурора, присяжных и конвоиров.

Судьи вздрогнули.

– Вот, вот. Слава одному, а народу ши и лапти. Зато сознание имперское. Не работает назначение начальников по принципу личной преданности в мирное время. Экономику на личной преданности не поднимешь, палкой и кнутом работать заставить можно, только результат убогий. Рабский труд рождает похуизм. Похуизм на полшестого. Вот и кто виноват и что делать. «Особый путь!» – надеялись в прошлом умники, а сейчас умники успокаивают себя. Какой такой «особый»? Визжать в грязи о духовности? Духовное рабство, породившее лень и безразличие, – это особый путь? православие – особый путь? Право Славие. Правителей Славие.

– Ты куда загнул, умник? – возмутился прокурор. – Какое православие? На свете одна правильная вера – ислам!

– Слава аллаху! – воскликнуло ползала.

– Ты про монголов языком молот – они империю создали, данью обложили, до сих пор аукается, – показал знание русского языка прокурор. – А они православными были? Нелогичная у тебя речь, дорогой.

В зале раздались смешки.

– И тебе, значит, империя не нравится? С каких таких пор скажи? В деле есть информация, в свое время ты Советский Союз славил, переживал, что распалось государство социализма, утверждал, что возможна такая национальность – советская по типу американской. А сейчас, когда наш президент возрождает былое величие, поднял страну с колен, ему, видишь ли, империя не по нраву? Или ты та самая политическая проститутка, а?

Присяжные засмеялись, прокурор театрально поклонился.

Судья перелистнул страницы в уголовном деле. "СССР-2. Попытка возрождения империи". В отсканированных страницах желтым маркером выделены строки, положенные в основу обвинения:

... «Россия вперед!» «Путин – это Сталин сегодня!» Всем покажем! Русские – великая нация! Ага, конечно! Откуда такой шовинизм у народа, живущего на всем импортном, ничего не создающего, а если и создающего, то конкурентоспособного разве что с продукцией Казахстана – того еще экономического партнера. За веру, Путина и отечество! Ага, конечно. Не может один человек хороводить страну. Не мо-

жет и все! Не дадут ему. А кого же Путин называет своими друзьями? А он открыто их называет: вот, мол, Обама на моих друзей санкции наложил, в Америку не пускает, счета морозит. И фамилии: Аркадий Ротенберг, Борис Ротенберг, Геннадий Тимченко и Юрий Ковальчук. Ай, какие русские фамилии, особенно Ротенберг. Кто это такие и какого гражданства-племени, постаравшись, можно найти в интернете. А найдя, подумать, кто же пришел и владеет Русью. А там недолго сделать вывод, кому выгодно оставлять Россию за бортом европейской цивилизации.

...Хорошо, давайте вспомним, что было до Майдана. Из милиции в полицию: "нам не нужны дружинники в погонах". Ператтестация, сокращение – избавление от неудобных. С первого января 2012 года трехкратное повышение зарплаты полицейским. С первого января 2013 года – ФСИНовцам. Путин разводится, Кабаева уходит из думы. Хотя Кабаева уже не та, новые тельца сверкают на льду...

...там что не знали настроение украинцев, когда Янык (дважды судимый! нет, люди меняются! искупил! подставили! чист как младенец!) мотался как говно в проруби: то в ЕС, то в ТС.

...Санкции. Вот статейка из той, еще не подцензурной Википедии...

Судья перелистнул несколько страниц с названиями стран, фирм, продукции, суммами убытков.

... даже электронную начинку для своих военных ком-

плексов поставляли из США... ..сколько контрактов разорвано... ради чего?

...они говорят, все было просчитано. Значит правительство – предательское. Кому выгодна война? Путину и его окружению? Только если они сошли с ума. Разорвать столько контрактов, помните – все просчитано, создать трудности мирового уровня, возбудить, нет, не патриотизм – ненависть у братского народа и презрение у всего мира – реально ни один Крым этого не стоит. Кому выгодно? слепому видно, кому. Великому соседу – полутора миллиардному Китаю. Вот Сибирь скоро развернется, но уже под другим флагом.

...хорошо, в правительстве – настоящем, а по-другому – закулисом, предателей нет. Тогда, опять же, если медицинский диагноз не подтверждается, зачем? Тот же слепой вам скажет: "просрали полимеры, вот и война!" Война как оправдание пятнадцатилетнего правления менеджера с черным поясом. Пятнадцать лет торговли нефтью и газом, накопления капитала – чуть-чуть бюджетникам, остальное не ваше дело – захочу и олимпиаду проведу! Пятнадцать лет – и нет сельского хозяйства, нет производства, рушатся плотины, падают ракеты. Зато сверкает Грозный-Сити, Депардье, Олимпиада, игорные зоны...

...а чего стоит объяснение президента, распространенное в свое время на незапрещенном тогда ютубе, озадачившее традиционных экономистов: По мнению президента России Владимира Путина, девальвация рубля очень выгодна для

страны. Такое мнение Путин высказал в эфире телеканала Life News. В частности, российский президент заявил: "Упала стоимость рубля. Он немножко обесценился... на 30 процентов. Посмотрите. Мы раньше продавали товар, который стоил один доллар. А получали за него 32 рубля... А теперь товар продали на рубль, а получили 45". После небольшой паузы Путин подытожил: "Доходы бюджета увеличились".

...Меркель, психолог по образованию, так и заявила "Путин сошел с ума". Есть ли еще президент в мире, который столько отчубучивал? то мальчонку в живот ни с того ни с сего, то чуть на фене не ботает, то в небе со стерхами, то в море за черепками... А это ведь публичный человек, не клоун.

...однако Слава хоть не КПСС, а Рабинович, в своем фейсбуке так и заявил: «Практически вся "российская элита" поставлена сейчас раком. Она теряет огромные деньги и ее имеют в одно место, очень жестко, при помощи половых признаков дедушки, обернув их в наждачную бумагу. Мне кажется, что это не может продолжаться долго. Или она лопнет, эта элита, или сделает что-то. Что – не знаю. Вернее, знаю, но это не для "Фейсбука". Я и так уже здесь много лишнего написал сегодня».

...революции совершаются в столицах. Сейчас в столице 2/3 не то что нерусских, даже не угрофинских москвичей. Новый электорат, перекрывающий дороги на Куйрам-байрам.

...вот тут многие патриотов из себя корчат: «ничо, прорвемся, сдюжим, пояса затянем!» А ради чего я должен прорываться? Меня в Крым не пускали? В Крыму русских резали? Когда русских резали в Чечне, никто не вопил: «прорвемся, но Чечню задавим!»

...хорошо, предположим железный занавес для развития собственной промышленности, науки, техники. По плану – все приходит в упадок, затянутые пояса, жесткие лица, воля в кулак – и потихоньку вперед! Космические поезда бороздят океаны... Несколько поколений живут во имя светлого будущего, зато внуки и правнуки будут жить... Было уже! Ничего толком не сделали, кроме ракет. Да и то большие сомнения, никто ведь не проверял, понты у русских дороже всего, какие там на самом деле Тополя и Булавы, действительно ли они лучше Сатаны, которая правит бал на другом материке. Не того ума Иван человек, чтобы создавать доброе и прекрасное, кроме калашей (и тех у немцев спиженных)...

...конечно мало того, что не палаты умов, так еще вопрос: с какого перепуга ради будущих поколений должно страдать настоящее? И к тому же какие нах*й поколения? Демографическая политика на замещение этноса, и поколения уже будут поколения-ма и уже они будут насяльника.

...и какой сейчас может быть СССР 2.0? Какой социализм, во-первых? Какие советы, во-вторых? Какой нах*й союз, какие нах*й республики, когда чуркобесы поровну живут и у себя в чурекии и в русских землях?

Подсудимый между тем продолжал речь, в зале усилился шум, Вилен Антонович отложил папку.

– Россия! Как была ордой, так и осталась. Все эти рожи-жопы наших депутатов из той же орды, из того животного мира. Те же ханы заседают, набивают брюхо и кошельки. Что для низшего животного хорошо – пожрать, совокупиться, то есть получить удовольствие. – Кабанов помолчал. – Вот отсюда я и ненавижу толстых.

Шум в зале нарастал.

– А что касается империи и простого народа: вышел мужик – поля огромадные! Здесь насрал – не убрал. Вона там можно еще насрать можно, от Рассеи не убудет. Вот менталитет русского в кавычках имперца.

– Заткните ему еб*ло, господин прокурор, – голос с галерки, плевков кожурками от семечек. – Чаво он на нас, россиян, клеветает! да мы ежеле надо!

– Кто там вякнуть в зале посмел без разрешения? – прокурор обратился к одному из конвоиров:

– Зелимхан, разберись! – повернулся к Кабанову. – А ты давай, расскажи про ружке, расскажи!

Кабанов хмыкнул:

– Ружке. Презрительное наименование части прежде великого народа. Той части, которая позволила так себя называть. Именно ружке присуща лень. Лень, рожденная жадностью собственников средств производства. Недостаточная и несправедливая оценка труда. И вот почва для замечатель-

ной идеи все поделить и пограбить награбленное. Лень, еще более развитая в условиях великой уравниловки при той же системе оплаты труда – х*й вам, а не морковка. И вот экстаз при утверждении в башках символа Рашки – разъяренного медведя: А пушай бояцца! Всех порвем, ежели не поделятся! Вот про рузке сегодня.

– А сам-то ты кто такой? – взвизгнула, вскочив с кресла, одна из присяжных – квадратногнездовая дама, сверкая цепями на сиськах и сережками в слоновьих ушах. – Ты чего в жизни такого сделал, чтобы здесь всех говном мазать?

– Кто я? Человек, бывший законопослушным гражданином. Чем я могу гордиться? Пожалуй, честностью. Много это или мало? С одной стороны, делами праведными каменных палат не наживешь, то есть не разбогатеешь по-честному, а с другой – не так и мало иметь самоуважение. Возможно, оно дитя гордыни. Или отец ее, что, конечно, не есть гуд в обществе. Только общество здесь не общество, а стадо баранов, мнящих себя кто лисой, кто волком.

– Э! Кто баран, слушай! – вмешался Зелимхан. Теперь он стоял в центре зала, как коршун в курятнике.

– Так вот. – не обращая внимания, продолжил Кабанов. – Я честен с людьми и перед собой. Здесь мне очень трудно жить. Меня обвиняют в измене Родины, а Родина – это где тебя любят, где отношения без зла, где ценится чужое мнение, где слово значит дело. Здесь слово ничего не значит. Честное слово – пустой звук. Честное – корень честь. Первая

ассоциация – рыцарская честь. Вот поэтому и живут в Европе на порядок лучше в любом плане, потому что потомки рыцарей. Потому что кровью было обеспечено данное слово. Очень воспитательная мера была дуэль. Селекция в Европе была скорее положительная. И Русь была Европой до монгольского нашествия. До нашествия иной цивилизации, не иной культуры, нет. Культуры там не было совсем. Какая у зверей могла быть культура. И вот первый опыт отрицательной селекции – тех, кто сопротивлялся вырезали под корень. С женами, с детьми. Остались приспособленцы. И это вполне понятно – жить хочется даже на коленях. Два века мрачного страха. Выживание. Поколение за поколением становилось хитрее и бесчестнее. И все – нет Руси, началась Россия. Великая помесь славян с азиатским отребьем. И рабство с тех пор никто не отменял. Рабство на генетическом уровне. Рабство в душах. Рабство принимает формы чиновничества, подхалимства, лизания жоп снизу доверху. И называется это – вертикаль власти.

– Сам-то ты откуда? Ты в Европах родился? Ты здесь и родился – на Волге, в бывшей Хазарии, и ты себя помесью не считаешь, честный такой? – усмехнулся прокурор.

– Нет, – покачал головой Кабанов. – Родители отца из Белоруссии, матери – из Подмосковья – эвакуация. Может, поэтому так не живется в этом татаро-чувашском анклав.

– Что скажете, господа присяжные заседатели? – выжет искру прокурор.

Присяжные загомонили, впрочем, не все. Слоноухая держала за плечо мужика, сидящего рядом:

– Да оторвись ты от своих танчиков, скажи, как жить надо, не мужик что ли!

Мужик с неохотой отложил планшет, встал, похлопал глазами:

– Вот я – рабочая косточка – таксую аж простатит с геморроем вылез, напиться по-хорошему раз в неделю себе позволяю! И все у меня путем – жена красавица, – кивнул на слонуюхую, – вона какая – 120 кг красоты, 6 размер, ага! Дети не самые дураки в школе, раз в год на море, в Турции были прошлым летом, этим в Крым рванем! Наш Крым, отвоевали, слава президенту! Чего надо еще?

– Слава президенту! – Конвоиры вонзили палец в небо. – Слава аллаху!

– А я вот ломбард держу и в *** не дуо! – вскочил еще один присяжный.

– А у меня охранное агентство! – пробасил другой. – Я 20 лет Родине отдал – с курсанта до подполковника дослужился. У каждой дочери по квартире!

– Видишь, предатель, как жить надо! – закричал прокурор подсудимому. – Это говорит тот народ, который ты поносишь!

– Тишина в зале! – прикрикнул председательствующий. Уровень шума в зале не понизился ни на долю децибела.

– Всем молчать! – заорал Вилен Антонович, бывший пол-

ковник ВВ.

– Позиция подсудимого ясна! Продолжим. – судья изобразил на лице гримасу, будто кто-то испортил воздух. – Слово защите. Есть что сказать адвокату?

– Ваша честь, господа присяжные заседатели! – поднялся адвокат, лицо серьезное, губы уточкой. – По долгу службы мне приходится защищать подсудимого. Общение с ним не сложилось, на мои вопросы, связанные с защитой, он отвечать отказался. Тем не менее, мне удалось выяснить некоторые обстоятельства, характеризующие подзащитного. Так, установлено, 16 лет Кабанов работал оперуполномоченным уголовного розыска...

– Да за это его не то что расстрелять, камнями забить надо! – закричал прокурор. – Он не просто преступник и предатель, а предатель, вооруженный знаниями оперативно-розыскной деятельности!

В зале снова поднялся шум. Судья стукнул по столу.

– Тем не менее, – смутившись, продолжил адвокат, – он награжден медалями за отличную службу, имеет поощрения от руководства, его фамилия постоянно присутствовала в сводках раскрытых преступлений. Лично им была раскрыта банда черных риэлторов, членов которой приговорили к пожизненному сроку, когда еще не отменили мораторий на смертную казнь.

– Ты еще его детство вспомни, адвокат! – осклабился прокурор. – Ты про сейчас говори! Он клеветал на Родину, ко-

гда еще в органах работал, все его заслуги – это троянский червь!

Кто-то из присяжных заплодировал. Прокурор поклонился.

– По настоящему делу у меня нет смягчающих вину документов. – пожал плечами адвокат и сел на место. – Только информация, характеризующая личность.

– Личность! – покривил губами прокурор. – Встань, личность, скажи, как ты государству служил.

– Слово вновь предоставляется подсудимому. – поспешил сохранить лицо судья. – Что можете сказать в свою защиту, Кабанов?

Поднимаясь, Кабанов бросил взгляд на часы. 11-40.

– Я всегда был законопослушным: учился, не пропуская уроков, не уваливал от службы в армии, потом честно работал. Только моя честность всегда была неуютна и начальникам и сослуживцам.

– Ай, какой весь правильный. – нараспев сказал прокурор. – Дартаньян! А все вокруг уроды! Зато у меня другие сведения имеются.

Он повернулся к присяжным:

– Мент наш самых честных правил самый настоящий фашист!

Присяжные загомонили.

– Да, да! Он восхищался эсэсовцами, бляху немецкую носил, говорил, войну числом выиграли, типа, трупами заки-

дали немцев! Что не было этого? – волосатый палец в Кабанова пистолетом.

– А про кавказцев что говорил, напомнить? Думал, сослуживцы молчать будут?

– И это в то время, когда чеченские батальоны сражаются с фашистами на востоке Украины, защищая русское население! – воскликнул присяжный – владелец охранного агентства. – Сейчас, когда в одном строю с чеченцами бритоголовые соратники того же Демушкина!

– В самом деле, подсудимый! – сказал председательствующий. – Сейчас, когда Россия встала с колен, когда все русские, то есть россияне, едины в патриотическом порыве, когда трудности сплачивают... – судья явно потерял мысль, хлопнул глазами, продолжил: – Сейчас даже те, кого подозревали в национализме, кто вскидывал руки на Болотной площади, даже они кричат "Слава России" на вполне законных основаниях. И вы, подсудимый, могли бы проявить те самые качества, которыми так восхищались. Настоящие патриоты нужны Родине!

– Российский патриотизм есть порождение рабского менталитета. – сказал Кабанов. – Простой россиянин понимает, что от его воли ничего не зависит. Ровным счетом ничего! Но признаться в этом ему не под силу, вот и делает вид, что в восторге от всего происходящего. На востоке Украины президентская гвардия воюет за доллары, а татуированные свастиками болваны поехали на войну, представляя ее подо-

бием пейнтбола.

– Постой! – снова вскинулся тот же присяжный. – Как это ничего не зависит? У нас демократия настоящая, не как в Америках! Мы – народ, мы – избиратели! Кого надо, того выберем!

Присяжный резко замолчал, покрутил головой и сел на место.

– Как никогда права пословица – всякий народ достоин своих правителей! – у Кабанова под кожей зашевелились желваки. – Кого вы избрали? Кого вам в башку втюхали, за того и бросили бумажки, а если где не за того, там Чурбирком подправит. Демократия! В каких еще странах что секретари ЦК КПСС, что президенты с постов уходят только на тот свет? В киргизиях и зимбавах. Депутатов в думу избрали? Снежных людей, спустившихся с ринга? гимнасток и сериальных звезд? По каким таким мандатам? Демократия, когда губернаторов назначает президент вся белыя и черныя Руси?

– Э! кто черный? – раздули ноздри конвоиры.

Вилен Антонович чуть не проломил стол кулаком.

– Последнее слово! – заорал он. – Подсудимый, две минуты!

Кабанов посмотрел на часы над головой судьи:

– А больше и не получится.

– В детстве я читал книги. Правильные были книги. Джек Лондон, Дюма, Конан-Дойл, Хэммет, Семенов, Лео-

нов. Долг, честь, сила, слово, справедливость. Правильные книги, потому что воспевали добро. И поэтому я прав в выборе пути.

– Пиво – сила, спорт – могила! – хохотнул один из присяжных. Судя по брюху, знавшего, что говорит. – Бусидо, мать его, путь воина.

В зале заржали.

– Чего он там опять закудахтал! – вскочил другой присяжный – худой, лицо как скомканная бумага, полетевшая в сортир после использования. Вонзив пальцы в партачках в перила, а глаза в Кабанова, возопил: – Дайте я сам ему приговор исполню, гражданин судья! Я его руками порву!

– А потом я сам хотел написать книгу. – не обращая внимания, продолжал Кабанов. – О борьбе двух рас на земле. Одна воевала, не придерживаясь никаких правил, потому что и в мирной жизни ее представители обманывали друг друга ради корысти, а люди другой расы всегда отвечали за слова. Слово было законом. Расы жили на одной планете, одна воровала технологии у другой, просила помощи, но долги не отдавала, затевала войны, прикрываясь лицемерными лозунгами...

– Ты, мать твою, фантаст недоделанный, по делу говори! – перебил прокурор. – Про себя! Ху из ху, как говорится!

– Хорошо, – неожиданно согласился подсудимый. – В своей жизни я хотел честно работать, получать за труд соразмерное вознаграждение, иметь свободное время, когда мож-

но заниматься чем-нибудь для души. Я хотел покоя и воли. В этом и есть счастье. И разве много я хотел? – Кабанов схватился за прутья клетки. – Но в этой стране общество построено на лжи. Ложь и лицемерие, словно раковые клетки, выедают организмы, превращая людей в зомби! Общество больно. Я всегда считал, что преступник – психически больной челок в той или иной мере. Здоровый человек не может красть, убивать, насиловать. Здоровому человеку это просто не надо. Наша страна больна, преступление превратилось в норму!

Зал разразился криками.

– Тихо! – загремел прокурор. – Ты, значит, один здоровый, а все вокруг больные! О как, присяжные.

– Нет, – Кабанов скрипнул зубами, – я тоже болен. Не могу так жить.

– Знаешь, что я тебе скажу. – прокурор сдвинул брови, лицо неожиданно стало тоньше, умнее. – Вот это наша страна, вот это, – он провел рукой по присяжным, по залу, – наш народ. Другого нет. Как ты не поймешь это своей глупой и честной головой – страна наша именно такая, какая есть, и в ней надо жить по правилам. А не получается, вали! Или давно повесился бы, не тратил наше время! Опять же застрелиться было из чего. Зачем бумагу марал, книгу писал, сколько времени потратил на ветряные мельницы!

– Одному уходить – много чести. Нет, неуважаемые, вы со мной пойдете.

Зал снова загудел.

– Совсем сбрендил. Тебя сейчас в подвал спустят и все дела. И пойдут с тобой вот эти двое только. – прокурор показал на конвоиров, те плотоядно ухмылялись.

– Я перед началом наших дебатов просил адвоката позвонить по одному номеру.

– Типа за тебя важный человек слово должен был говорить.

– Сим-карта с эти номером в телефоне, который лежит вон в том огнетушителе. – Кабанов показал в дальний угол зала. – Видите, мигает красный диод? Этот огнетушитель я принес, когда как раз охранял здание суда.

Народ в зале напрягся, по лицам судьи и прокурора пробежала тень.

– Огнетушителем этот предмет назвать сейчас никак нельзя, скорее наоборот. – усмехнулся Кабанов. – Дальше объяснять надо?

– Что там? – прохрипел прокурор.

– Два килограмма тротила. Звонок привел в действие таймер. А время сейчас 11-58. Догадываешься, сколько у тебя осталось до встречи с аллахом?

Первыми исчезли конвоиры. Судьи подскочили, растерянно оглядываясь.

– Врешь! – крикнул прокурор.

– Сейчас проверим.

Кабанов сел на место и спокойно смотрел на судилище.

Закричала слоноухая, ее поддержал муж-бомбила. Ограда рухнула, присяжные, как обезумевшее стадо парнокопытных, ринулись к выходу...

Спустя тридцать секунд в зале остался один подсудимый. В коридоре раздавались крики, кто-то звал полицию, саперов, заревела сирена. Кабанов поддел ногтем скрепку, вогнанную в каблук. Скрепка вошла под нужным углом в замочную скважину ручников, пара движений – дужки на решетке освободились. Время 12-02, никакого тротила в огнетушителе не было. Зато за дальним рядом кресел присяжных был припрятан АКСУ с запасными магазинами и пара РГД-5 – их места в оружейной комнате ФССП давно занимали качественные муляжи.

– И один в поле воин. – Кабанов передернул затвор. – Если поле пройдено.

2015

Мотивация

Мотивация. Мотив. Движущая сила, которую часто упускают из вида. Упускают или сознательно камуфлируют, скрывают, затирают, полируют.

Мотив есть всегда и у всех. Законопослушных и преступников. Даже у маньяков и душевнобольных, что суть одно и то же. Хотя, может, и уместно здесь поставить знак вопроса? Про маньяка чуть позже.

По-нашему, по-простому, по-рабоче-крестьянски (где те рабочие с крестьянами, однако): на южных границах бородачи с автоматами объявили ИГИЛ, Кадыров в Чечне игил давно построил на контрибуциях. Что хотят – мотив – исламисты? Расширения границ, шариат, намаз, гурий, пострелять и рабов. Что хочет Кадыров? Русню («Россия – это я»), рабов, пострелять, гурий. Что хочет русня, ее не спрашивают. Ее рулевые – высшие чиновники хотят всех благ себе и своим детям. Хотят жить в Европе или Северной Америке на деньги, заработанные (ох, тяжелая это работа – воровать из нефтяного болота) вахтовым способом. В игилах они жить не хотят. Лыбиться, заигрывать, уважать традиции – да, но жить вместе – нет. Дураков, в смысле, нет. Дураков нет, а маньяк есть. Мотив маньяка поди разбери – место в истории, вселенская власть, государство – это я, нет меня – нет России... все смешалось в дурдоме. Одного маньяк не хочет –

полония в чае. Кинжала в печени не хочет (и ты, Сечин? – предсмертный хрип). Нет маньяка – нет России, есть игил. Или золотая чечня. Или просто Орда. Как не назови – феодализм. О, да! какой феодализм! у нас же булавы с тополями! да мы можем 45-й повторить! всю пендосию в порошок! Так хорошо п***еть в интернетах, развалясь на диванах. И новороссия скоро наша будет! Крым наш! Хайль! "****ло". Чик-чик. Четыре дырки в оскорбителе. Орден почета на кителе. Санкции. Граждане затягивают пояса, выворачивают карманы, банки поднимают ставки, посевная под угрозой – войнушка дело дорогое, 200-е не скроешь, роса в глазах скисает, запашок-с. Потихоньку добираемся до народного мотива. А кто хочет войны! а кто пробовал есть слона! Ну его нахуй этого слона! войну эту! "Лишь бы не было войны!" Леонид Ильич, который фронтовик, который тех еще времен, которые по-честнее будут, имел право так сказать. "Мы готовы воевать со всем миром! Со всей гейропой! Фашизм не пройдет! Майдану – нет! Снегири – не гири!" – маразм нынешних попугаев-калантарянов. Не-не-не! Народ – менеджеры всякие, таксисты, чиновники мелкие, домохозяйки и домохозяйины – войны не хотят. Хотят колбасы, хлеба, зрелищ, раз в год в туречию хотят (Крымом перебыются). А война как бы уже на пороге, а как бы уже тополя колосятся из шахт! Не надо, хозяин! Мы стерпим, лишь бы не было войны! лишь бы не было майдана! Хитрый маньяк, слюшай! "Я жизнь за него отдам, да!" жизнь генерала-академика, государственни-

ка-патриота (привет, игил). "Кто говорит "Россия для русских", тот либо придурок, либо провокатор!" Нет маньяка – нет России. Есть маньяк – нет России.

2015

Последняя осень

Разрывая утренний туман, по горной дороге мчалась колонна. Десять черных геленов с номерами по возрастающей K002PA95, K003PA95... Сто километров в час, сто метров до бампера. Промелькнул дорожный знак «До Грозного 110 км».

– К чему столько шума? – произнес старик, поглаживая бороду. – Аллах не поощряет роскошь.

– Это не роскошь, уважаемый амир, это необходимость. – обернулся с переднего сиденья пассажир с лицом питекантропа. – Бараны должны знать своих пастухов, знать, что пастухи сильны. Как говорят русские, понты дороже денег.

– Такие понты хорошо видны с неба.

– А?

– Со спутника. – усмехнулся амир.

– А! – засмеялся верзила. – Мы на своей территории! Американцы никогда ракету сюда не пошлют, а главнокомандующий Россией... – Верзила оскалился, приподняв одну бровь.

– Здесь, в горах, не все любят Рамзана.

– Не беспокойся, уважаемый, все! Кто не любил, уже далеко.

– Здравствуй, дорогой! – протянул руки седобородый старец.

– Салам, уважаемый амир! Как дорога, как здоровье? –

гориллообразный мужчина с ласковой улыбкой спешил навстречу.

Они обнялись.

– Все хорошо, брат. Я пришел лично, по телефону такие вещи не говорят.

– Понимаю, уважаемый. – Брат жестом показал на диван. – Здесь, в моем доме, можно говорить не опасаясь. Весь во внимании.

– Тувинец согласен!

– Иншалла! Это отличная новость! Мои двадцать тысяч готовы! – глаза гориллы зажглись огнем.

– Полицейский в Москве?

– Этому мозги промыли давно, все сделает как надо.

– План не изменился? – амир погладил бороду.

– Нет! Ваш план идеален! Во время Курбан-Байрама полицейские не дают верующим пройти на площадь для моления, бьют дубинками безоружных мусульман, один из кяфиров стреляет в толпу. Просто и гениально, почтеннейший!

– Нужны снайперы.

– Конечно! Все будет! Мои люди подключатся, если полицейский не выстрелит. Но он выстрелит.

– Передвижения не отследили, как думаешь, брат?

– Бойцы передвигались по-разному: на поездах под чужими фамилиями, но в основном на автомобилях разными дорогами. Пока остановились за МКАДом. Ни от кого тревожных вестей не поступило.

– Хорошо. Не мало бойцов?

– Что вы, уважаемый! Более чем! Правосеков тысяча на Майдане была, страну перевернули, у меня 20 тысяч закаленных бойцов.

– И все же без согласия тувинца... – не закончил амир.

– Ха, – по-волчьи ослабилась горилла, – разумеется, в самой Москве против армии мы пока ничего сделать не сможем. Пока! Ничего, главное, чтобы тувинец своих придерживал хоть несколько дней! За это время в войсках кое-что поменяется, командирами останутся те, кто будет нам нужен. К этому времени и с президентом определимся, хватит ему нами командовать!

– К этому времени братья из ИГИЛа будут рядом. С президентом, думаешь, пройдет? Все-таки кнопка у него. И наше государство пока Америкой не признается.

– Никто ему не поможет. Сам себя нае*ал. В Европу не пустят, с Америкой на ножах. Если и сбежит, то в Северную Корею. Думаю, сразу задержим, передаст и корону и чемодан.

Как у них принято: «Я устал, я ухожу». Пусть уходит. Молодая жена, дом, счета – что еще надо, чтобы встретит старость.

– Татарка сделала свое дело. – снова погладил бороду амир. – Но, если что – ее с отродьем в заложники.

– Не понадобится. Его и так сдадут.

– А как дела в регионах?

– Везде наши люди, уважаемый. В госучреждениях, в полиции, войсках – с тех пор как снова призывать начали. Все под Кавказ лягут, как только из Москвы нужные команды придут. Русские бараны еще будут радостно бляеть потом, что настоящие мужчины свергли коррупционеров.

– Уверен в президентстве?

– На 146 процентов! Рузке столько говна в уши влили, столько ***в им показали, а они терпят. Нация терпил! Их так зачморили, скажут черное – это белое, от белизны ослепнут, скажут, долбиться в очко полезно для простаты – будут долбиться! Так что когда тувинец в лужу сядет, объявлю досрочные выборы, а там – посажу олигархов, расстреляю пидарасов и педофилов, снижу квартплату пенсионерам, на время конечно, пенсию добавлю, водку разрешу пить только в кабаках, зато почти даром, на улицах наведу порядок. Через полгода меня назовут новым Сталиным!

– Тем, который репрессировал ваш народ?

– Неважно! Сталин – это идол русских терпил, пускай потешатся.

– Ты хорошо все продумал, брат!

– У меня хорошие учителя. – с ласковой улыбкой склонил голову брат.

– Эй, академик! – услышал Добролюбов. – Стой, Евгенийч! Тебе ору!

Добролюбов обернулся, к нему, размахивая грязным пакетом, не обращая внимания на истошные сигналы автомо-

билей, через дорогу шлепал Коляныч. Темный, неопределенного цвета плащ, развеваясь от ветра, придавал длинно-му алкашу этакий богемный вид.

– Я тут это, – задыхаясь, орал богемный Коляныч, – продуктов надыбал задешево! Пойдем, посидим, у меня пузырь есть!

– У меня от паленки что-то голова и сердце болит. – за стеклами очков округлил глаза Добролюбов. Коляныч снова просроченных продуктов из мусорного бака за магазином набрал.

– Ты чё, Евгенийч! Нормальная водяра, из магазина! Наш же снова цену сбавил! А не верили либерасты, что цены снижаться будут.

Добролюбов вздохнул. Дома дети в интернете, жена в телевизоре.

– Ну, если не паленая...

Они сидели на детской площадке за сломанными качелями. Ветер стих, стал накрапывать дождик. Не обращая внимания на мокнувшие йогурты и печенья, Коляныч снова пытал Добровольского:

– Вот ты, Евгенийч, тоже либераст, очки носишь, образованный весь из себя! Типа, умный! А почему бедный? Скажи, а? А я тебе скажу! – Коляныч набулькал водки в пластиковый стакан. – Это у них там в Пиндосиях умный может богатым стать.

Коляныч прокинул стаканчик в глотку, выдохнул:

– У них как – закон и ни-ни. Скукота! Поработал – к жене, к детям. Спать, опять работать. Это жизнь, я тебя спрашиваю?

Добровольский смотрел в очки и видел свою жену – старую жабу, детей – сколиозных фанатов интернета.

– У нас не так! У нас свои академики! У нас для того, чтобы богатым стать, ума мало! Надо хитрым быть! Жестким! Понимаешь! – Коляныч показал костлявый кулак. – Не наебешь – не проживешь! В этом сила народная, понимаешь? Выживание! Русский там выживет, где немец сто раз сдохнет! Мы этим сильны, понимаешь? В этом и есть наша богоизбранность! – Богоизбранный Коляныч разлил остатки национальной гордости по стаканам. – Это евреи в пустыне сорок лет маялись, а мы ... – Брови Коляныча задвигались на морщинистом лбу. – Мы их, ежели чё, мы им!

Он не договорил, уставившись на подъехавший к подъезду дома напротив автомобиль.

– Вон к Анжелке хахаль на Кадиллаке прикандыбал. Она хвастала, чуть ли не с министром спит! Ворюга, понятное дело, коррупционер. – Коляныч помолчал. – Погодь, а не шпион ли он пиндосский? На ихней тачке разъезжает, точно шпион!

Коляныч взял пустую бутылку, как гранату или, в худшем случае, «Коктейль Молотова». Добровольский поднялся, подзревая нехорошее.

– Ща я ему устрою, как на Обаму работать!

Добровольский развернулся и, не оборачиваясь, потрусил вон с детской площадки. Покидая двор, услышал за спиной звон стекла и крик мстителя:

– Шпионы ****ые!

– Ходят слухи, исламисты головы поднимают, теракт готовят в ближайшее время. – Мясистый генерал строго смотрел раскосыми глазами на подчиненного. – От твоего источника в ФСБ ничего такого не слышно?

– Пока все спокойно, товарищ генерал. – вытянувшись, ответил Пируэтов.

– Смотри, Антон Иванович, если что, докладывай сразу! – генерал смягчил взор. – К декабрю освобождается место замминистра, все в твоих руках. Иди.

Пируэтов шел по коридорам серого многоэтажного здания, прикладывая магнитную карту у каждой двери. Как же спокойно, твою косоглазую мать! Пируэтов спустился на стоянку, сел в свою «Ауди».

Через 20 минут Пируэтов остановил «Ауди» у торгового центра «Космос», достал из бардачка смартфон, вставил в него аккумулятор. Спустя пару минут через Тор в браузере отправил сообщение, еще через пару минут прочитал ответ.

«Ауди» отъехала от одного торгового центра, чтобы через пару кварталов припарковаться у другого. Пируэтов погулял по этажам, интересуясь якобы осенней коллекцией верхней одежды, а в назначенное время нырнул в служебную дверь. Еще через минуту усаживался в неприметную «При-

ору» с тонированными стеклами на заднем дворе. Водитель «Приоры», блондин с чеканным профилем, щелкнул тумблером на приборной панели.

– Можно говорить.

– Тувинец интересуется насколько осведомлено ФСБ об исламистах. Сам готовит приказ о проведении учений Западного военного округа и переброске войск к границам Украины.

– Что-нибудь еще? – блондин впился синими глазами в Пируэтова.

– Только личные ощущения – что-то затевается в армии, все командование в напряжении, как оголенный провод в задницах.

– Ощущения тоже важны. – улыбнулся блондин.

– Не переживайте, Антон Иванович, все под контролем. И напряжение в проводах тоже. Спасибо за информацию.

– Служу России, как говорится.

Два китаец в строгих костюмах удобно расположились в креслах. На столике между ними сверкала янтарными боками бутылка бурбона, в деревянном ящичке плотно лежали кубинские сигары.

– Благодарю за приглашение, Ли. Есть повод для праздника?

– Наливайте, Си, повод имеется.

Ли достал сигару, золотым резакон срезал кончик.

– Агентура сообщила о встрече Амира с чеченом. – Ли

щелкнул зажигалкой, пыхнул дым вверх. – Не сомневаюсь, разговор шел о перевороте в Кремле.

– Все-таки стопроцентной уверенности нет. – Си задержал бутылку над стаканом.

– Это называется использовать втемную. Конечно, разговор мы проконтролировать не смогли – дворец защищен от прослушки. Амир встречался с тувинцем, у нас с министром заключен договор: игил захватит Россию до Урала, Дальний восток отойдет к нам.

– А что получит тувинец?

– Новую Россию он получит. – сверкнул зубами в улыбке Ли. – Станет главой новой федерации. Формально, конечно. Как, скажем, норвежский король или английская королева. Что еще практичному человеку надо, чтобы встретить старость. Теплое место, охрана, счета и никакой ответственности. И при этом почитание своих граждан, как руководителя, в непростое время предотвратившего третью мировую войну. Нацепит ордена, фуражку побольше, шкуру леопардовую...

– Эти самые граждане в самый непростой момент не наломают ли чурок?

– Дров. Не наломают ли дров, ты хотел сказать? – снова улыбнулся Ли. – Думаю, нет. Ни дров, ни чурок русские уже не наломают. Народ, выброшенный в яму исламского феодализма, народ, столетней селекцией лишенный пассионариев, народ, терпящий издевательства собственного руководства,

наконец, народ, потребляющий продукты всего мира и ничего не производящий? Может ли такой народ защищать свою землю? своих правителей?

Ли со стаканом в руке встал, подошел к окну. Последний месяц осени, дожди в Москве шли не переставая. В спину донеслось:

– Семьи. Будет защищать свои семьи.

Посол КНР в России обернулся.

– Это не будет войной в прямом понимании слова. Мы уничтожим регулярные войска, при этом на захваченных территориях создадим самые благоприятные и справедливые условия для жизни. Кто будет работать, будет достойно жить. Русские растворятся в Китае добровольно и с удовольствием.

Ли подошел к столику, плеснул себе виски в стакан.

– Русские перестали быть великой нацией.

Посол вернулся к окну, его взгляд приковал темно-красный лист, прилипший к мокрому стеклу.

– Догнать и перегнать! Догоним Америку! Мы им покажем! Странные люди. Тысячу лет, с монгольского завоевания, Россия противопоставляет себя остальному миру. Мир развивается по своим объективным законам, где главенствует экономика. Честные экономические отношения. Цивилизованный мир давно пришел к выводу: честно жить выгоднее. Россия объявила о собственном пути еще тогда, когда в государстве существовало официальное рабство. А потом –

революция, Ленин, Сталин, опять противопоставление всему миру – мировой революции захотели. Что это? Зачем уничтожать своих граждан, чужие народы во имя объявленной идеи всеобщего счастья. Во имя пустой декларации? Уничтожить мозг своими руками – так представляли счастье большевики?

Ли отвернулся от окна.

– И сейчас чем хуже, тем лучше, главное, президент с нами! вождь, отец! Этому приходит в голову только одно объяснение – страх! генетический страх после монгольского нашествия. И вот этот страх и остатки уязвленного самолюбия побуждают к постоянному самоутверждению. Самоутверждаться раб может только за счет слабого. Отсюда их жизненный постулат: я начальник, ты дурак.

Из сообщений СМИ:

– ...Как сообщалось ранее, благодаря ядерному удару по столице Чечни предотвращен государственный переворот. Только что стало известно имя человека, взявшего на себя ответственность за запуск ракет. Им оказался старший дежурной смены боевого расчета РВСН майор Буданов Игорь Евгеньевич, однофамилец героя России, убитого чеченским бандитом в 2011 году. Исполняющий обязанности президента России присвоил Буданову Игорю Евгеньевичу внеочередное звание полковник и представил к высшей государственной награде....

– ... Народно-освободительная армия Китая, выдвинув-

шаяся на помощь в подавлении мятежа, остановилась на границе у реки Амур. Председатель КНР выразил восхищение смелостью российских военных и выразил готовность к сотрудничеству в борьбе с международным терроризмом...

2015

Чего хотят россияне

А чего хотят люди, даже те, которые россияне? Люди хотят материальных благ, здоровья, власти и секса до определенного возраста. После этого самого возраста жажда власти заменяет секс, но это совсем другая история. Тут и бес в ребро случается и способ управления специфический.

Так чего хотят люди, рожденные и проживающие в самой духовной стране на свете?

Народ. Так называемый простой народ. Хочет, чтобы у него все было – зомбоящик, империя, вождь, крым, водка, толстый член, чтобы боялись и уважали, и чтобы за это ничего не было. Народ хочет травить себя табаком, алкоголем, обжорством, а потом требует лекарств и лечения.

Власть. Та власть, которая каждый день в зомбоящиках брови хмурит, глаза круглит, покашливает, головой качает, иногда спит. Хотя, ясное дело, это только верхушка айсберга. Сами берги в объективах телекамер не отсвечивают – умные. Но весь айсберг хочет тихого благодарного народишка, благодарного за еду раба. А лучше, конечно, отсутствия этого самого народа-раба, которого еще и кормить надо. Всяких пенсионеров, алкоголиков и тунеядцев, всех, кто не трудится в газонефтяной отрасли. Незадача –дохнут не в том количестве, но это дело поправимое.

Предприниматели. Бизнесмены, так называемые. Что

средней, что крупной, что мелкой руки, без разницы – пальцы одинаковые. Хотят подешевле купить, дороже продать. Все! Прибыль превыше всего без продолжения якобы девиза русского купечества.

Молодежь. Поколение выбирает гаджеты, сколиоз, утиные губы, патриотизм с белым билетом.

Пенсионеры (простые). Требуют пенсий и внимания по сути. «Позвоните родителям» – больше ничего не надо. Самая зомбируемая часть общества – возрастные изменения в мозге, ничего не поделаешь.

Спортсмены. Российские спортсмены хотят денег и недвижимость за рубежом. Все.

Чеченцы. В виде контрибуций трясут с аллаха бабло на джипы, мечети, гурий и «чернильниц». Все чеченцы хотят стать силовиками. Так или иначе, они ими становятся.

Полицейские. Да и все остальные госслужащие, включая военных. Хотят показателей, зарплат, выслуги, при этом вкусной спермы вышестоящих и мягкой жопы нижестоящих. Ордынская система-с!

Пятая колонна. Так называемая. Состоит колонна из мужчин и женщин умственного труда. Менеджеров, блогеров, дизайнеров, фрилансеров и прочая. То есть тех, кто мнит высшее гуманитарное образование как показатель ума. Колонна жаждет эмпатии, европейских ценностей, мечтает водить хорошие автомобили по хорошим дорогам, жить в красивых домах и квартирах, умничать в соцсетях, насту-

кивая пальчиками по айфону, поругивая и оценивая общественные отношения. Люди в целом неплохие, даже хорошие, все бы такими были, может, и зажили бы к в европах. Только вот беда: материальные блага не ихними пальчиками создаются. Труд, который подразумевает перемещение тяжестей в пространстве, нахождение в некомфортных условиях, инженерное просчитывание и всякие опыты опасные, такой труд для нашей колонны противопоказан. Не аристократическое это дело – дороги строить, у станка стоять, КРС всякую разводить да в поле химию разбрызгивать. Собственно чего они хотят уже озвучено выше: европейского общества, безопасности, курортов, комфортных офисов, самоудовлетворения в инстаграмах и фейсбуках. Эх, колонна! Была колонна на Болотной, а стала в интернетболоте. Дунь из газового баллончика, погрози дубинкой, и вся колонна подогнется в пластилиновых коленях.

2015

Бессмертие в мышеловке

Несколько лет назад.

За окном черная стужа, а в квартире Кабанова светло и самая теплая атмосфера. Не надо много друзей, чтобы отметить праздник, достаточно одного – лучшего и, конечно, бутылки «Джим Бина»

– Я всегда говорил, – Вадим Нестеров поднял палец над головой, – Новый год по-настоящему можно отметить или за или пару дней спустя «Иронии судьбы», не к столу будет сказано.

– Заливное не понравилось? – усмехнувшись, Кабанов в очередной раз наполнил рюмки, не звякнув бутылкой, не пролив ни капли виски, что с учетом выпитого было не так просто.

– Закусь самое то. – Нестеров подцепил вилкой кружок «Докторской». – Серьезно, Диман, так качественно, без науги, когда посидишь? Или на корпоративе или вот так – с лучшим другом без левых чуваков и без половин законных, опять же не к столу будет сказано. – Колбаса нырнула в соус, прыгнула на ломоть хлеба.

– Так и надо встречать без суеты, без вы*бонов, только живая вода и простая еда. – Вадим поднял рюмку:

– Давай!

Рюмки звякнули, друзья приняли содержимое, занюхали

колбасой, куснули по бутерброду.

– Приелась законная половина? – Кабанов достал сигарету, толкнул пачку другу.

– Эх, Диман, иногда думаю, вернуться бы лет на десять назад, женился бы на другой.

– Это на ком, интересно?

– На Таньке Кудиновой, может быть. Помнишь ее? Из Роспечати.

– Киоскершу? Помню. А ты всех своих по фамилиям помнишь?

– А как она минет делала! – Нестеров выпустил длинную струю дыма.

– По фамилиям почти всех. Фамилии не главное, ощущения надо помнить!

Вадим задумался.

– Или на Вере Базановой. – тут же уточнил. – Нет, ты ее не видел.

Кабанов хмыкнул:

– Я уж подумал...

– Та была Верусик. Да-а, – протянул Вадим, – горячая была штучка! Мне 24, ей 34. Ох, и вытворяла она! Где мы только не тутькались: в машине, в подъезде... Нет, не на десять, на пятнадцать лет назад надо перемещаться!

Друзья выпили еще по одной.

– Глупость это – жалеть о несбывшемся и возвращаться в прошлое. – сказал Кабанов. – Прошлое изменить невозможно.

но.

– Дай хоть помечтать! – Нестеров занялся сооружать бутерброд. – И почему это невозможно? Кто знает, до чего наука дойдет! Засунут тебя в коллайдер, ****ут по кругу, выйдешь где-нибудь в году восьмидесятом...

– Это тебя засунут туда ученые-мученые! Коллайдер – это как в свое время всякие Мичурины эликсир бессмертия на партийные деньги изобретали – проверить невозможно, а зарплата нехилая каждый месяц. Ты про теорию большого взрыва слышал?

– Так, что-то краем уха.

– В прошлое попасть невозможно! Меня так эти книги и фильмы про попаданцев бесят!

– Напомни про теорию. – Вадим, весь во внимании, куснул бутерброд.

– Я своими словами как понял изложу, так что... – Кабанов, собираясь с мыслями, тоже кинул кусок «Докторской» на хлеб.

– Короче, никакого времени нет по сути, время это для удобства придумано. В самом начале, это ученые так обозначили – начале, хотя как может быть начало без того, что было до начала... Ладно. Так вот, в начале было нечто такое сжатое и тяжелое, что и представить нельзя. И вот эта штука взорвалась! Понеслись протоны-нейтроны всякие в разные стороны, стали в атомы слепляться, образовались вещества всякие неорганические, звезды, планеты, Земля, вода, потом

молекулы попали в некоторые условия и образовались вещества органические, а там водные-земноводные, динозавры, обезьяны, человеки. То есть все, что было и сейчас есть – это дальнейший разлет частиц того взрыва. Понимаешь?

– Допустим, понимаю. И?

– И вот, чтобы попасть в прошлое, надо сделать так, чтобы эти частицы расположились именно в том порядке, в каком были в том самом прошлом. Как ты понимаешь, такое даже теоретически невозможно. Так что все эти машины времени – чушь собачья! Мы сами всего лишь движение частиц в пространстве.

– Подожди, значит, только вперед! Только вперед движутся частицы, как ты говоришь, типа, тела наши, а в мозгу нейроны могут и вперед и назад и в стороны! Понимаешь?

– Что-то не очень.

– Помнишь, в «Друзьях» Роз говорит о возможности вечной жизни, если мозг оцифровать?

– Я смотрю, у тебя оцифровка началась уже. Закусывал бы лучше! – Кабанов кивнул на бутерброд с откушенным краем.

– А чего, в этом что-то есть – записал все свои воспоминания в единицах-нулях и гоняешь по ним куда надо!

– Тогда надо воспоминания всего человечества цифровать, а то будешь гонять только по своему жесткому диску пока он со шпинделя не соскочит.

– Да уж! – Вадим нахмурился и подытожил: – Ох*еешь в такой цифровой вселенной! Ну ее в ****у!

– Я больше скажу: только вот в нашем теле, – Кабанов стукнул кулаком в грудь, – и может быть человек!

– Круто. – хихикнул Вадим.

– Наше тело – есть бог! То есть мозг с телом – есть бог!

– Да, вот что значит «Докторской» обкушаться. – прошептал Вадим.

– А так и есть! Мы про бога вспоминаем как про здоровье – когда оно есть, бога нет. То есть тело функционирует нормально – нам ничего не надо, поступают сигналы о серьезных нарушениях, даже не в своем, а в теле небезразличного нам человека – и вот на сцену выходит образ! Мы так зависим от телесной оболочки, что безумно боимся ее утраты, боли боимся, пустоты и неизвестности боимся. Но пока живем, надеемся, и эта надежда и есть бог. Отсюда вывод – бог есть жизнь тела.

Кабанов замолчал. Тишину нарушил Вадим:

– А началось все с Таньки и Верусика.

Друзья рассмеялись.

Несколько лет вперед.

– Зайдем? – предложил Вадим.

Шагая к парковке, друзья остановились у дверей офиса на цокольном этаже новостройки.

Кабанов, щурясь от бликов июльского солнца, посмотрел на рекламу за стеклом.

– Время терять. В интернете вся эта «Цифровая Вселенная», ты же смотрел.

– Давай зайдем! Одно дело в сети – из говна конфетку сделают, а тут вживую...

– В говно вляпаться. Развод же галимый.

– Посмотрим, выявим, в ЖЖ напишем.

– Это ты у нас туда пишешь, тщеславие тешишь, а по мне интернет давно зомбоящик переплюнул, скоро все горбатыми будут от своих планшетов.

– «А теперь горбатый!» – процитировал Вадим.

– Во-во. А за ним очкастый! – улыбнулся Кабанов и неожиданно согласился: – Пойдем, посмотрим. Если правда смартфоны выдают, бесплатная связь не помешает.

– Добро пожаловать, господа. Вы сделали правильный выбор!

Навстречу друзьям из-за стола поднялся мужчина в черном костюме. Мужчину в черном иначе как представительным назвать было нельзя: рост, стать, породистое лицо – хоть на сейчас на пост министра финансов и в Китай за кредитами.

– Бесплатная акция рано или поздно закончится, и вступить в «Цифровую Вселенную» будет уже не просто! – стробоскоп зубов в сдержанной улыбке.

– Спокойно, товарищ, – Кабанов попытался установить дистанцию. – Мы пока пришли только ознакомиться, а там посмотрим.

– И это правильно! Все абсолютно прозрачно и добровольно! Я вижу, вы серьезные люди, и наверняка ознакоми-

лись на нашем сайте с целью, правилами и условиями нашей «вселенной», поэтому я с удовольствием отвечу на ваши вопросы, а решение, конечно, останется за вами. Причем решение вы можете принять в любой момент до истечения срока бесплатной акции.

– Люди мы серьезные, поэтому хотели бы услышать правила и условия непосредственно от представителя организации, – Кабанов прочитал фамилию на бейджике, – господин Агелов?

– Отлично! Пожалуйста, присаживайтесь.

Представительный Агелов указал на массивные кресла, вызывающие ассоциации из фильма: «а вот эти стулья я бы взяла!»

– Проект возглавляет лауреат Нобелевской премии в области по физиологии или медицине господин Джон Мозер. Также в состав учредителей входят такие всемирно известные люди... – Агелов назвал десяток всемирно известных фамилий. – Как вы понимаете, не самые бедные люди планеты. Это к бесплатному сыру в мышеловке, то есть чтобы сразу стало понятно, почему предоставление гаджетов и услуг совершенно бесплатное.

– Да, эти дяди давно при коммунизме живут. – резюмировал Нестеров.

– Разве это плохо? Такой же коммунизм они предлагают и вам! Более того, хотя это только проект, но перспективы! Вам предлагают по сути бессмертие!

– Коммунизм после смерти, бессмертие в комбинациях 0 и 1. – вставил слово Кабанов.

– Что в этом плохого? Взамен ничто предлагают жизнь! Кто знает, возможно, более реальную, чем в брэнной оболочке.

– То есть вы предлагаете вместо объективной реальности, данной нам в ощущениях, субъективную реальность, данную в алгоритмах?

Нестеров с уважением посмотрел на друга. «Ай, да Дмитрий, ай, да сукин сын!»

– Заметьте, – не моргнув глазом, ответил Агелов, – реальность неограниченную по времени. Жизнь есть способ существования белковых тел! Главное слово – способ! Иначе говоря, подозреваю, дорогой вам Фридрих уже тогда допускал возможность иных форм жизни. Cogito, ergo sum! Я мыслю, следовательно, я существую! Декарт. Истина, в которой невозможно усомниться! Итого – мысль есть способ существования!

– То есть, вот так все просто: вы даете смартфон, который шпионит за всеми нашими действиями, а мы в него загружаем все, что можем, и бац – новая форма жизни, не выходя из кабинета? А как же тело? чувства, мышечная радость, оргазм, в конце концов?

– Что такое тот же оргазм? Выработка гормонов, активизирующих центр удовольствия в мозге. Неужели вы думаете, обладая современными технологиями, невозможно дать об-

разу вашего мозга те же тактильные ощущения? Считать ваш образ обладающим телом и после этого обучить тело ощущать удовольствия? Это давно уже реальность – вы прекрасно знаете, сколько инвалидов обрело зрение, пострадавшим пришивают бионические руки и ноги...

– А вот голову не удалось пришить! – сказал Вадим. – Тому программисту.

– В этом деле не так все просто. Пройдет время, мы узнаем правду.

– Ага, это был новый Юра Гагарин.

Агелов посмотрел на шутника и ничего не сказал.

– Опять же "образ"! – прервал паузу Кабанов.

– Какая разница?! Возможно, образ не получит всех воспоминаний, но это уже зависит от желания, способностей клиента, его веры, черт возьми! Опять же интеллектуальных способностей. Все как в жизни: умный останется умным, дурак – дураком. Все зависит от клиента. Вы получаете смартфон с установленной программой, которая, да, будет контролировать все ваши действия, но вам же нечего скрывать! А, скажем, некоторые действия, считающимися неприличными, но не входящими в сферу регулирования государственного законодательства, вы можете ограничивать для доступа, но, конечно, этим вы ограничиваете и ваш бессмертный образ! Смотрите: в нашей вселенной будут жить в основном законопослушные граждане, те, которые в этом свете согласны на контроль, хотя какой контроль? Организация гаранти-

рует полную конфиденциальность, иначе нет смысла просто напросто.

– Почему нет смысла?

– Потому что настоящая жизнь должна быть неконтролируемой, у человека всегда должно быть право выбора.

– Выбор есть, пока жив. А в вашем случае этот постулат не имеет смысла – вы же предлагаете бессмертие! Нелогично получается.

– Не поймите меня неправильно, но это ваша, субъективная, полагаю, логика.

– Так вы же, по сути, и предлагаете именно субъективную реальность, не поймите меня неправильно! – парировал Кабанов.

– Мы рождаемся и умираем в одиночку. И вот эта реальность, – Агелов обвел рукой кабинет, – для каждого субъективна в той или иной мере. Не согласны?

– Я не спорить сюда пришел. – вздохнул Дмитрий.

– А меня вот что интересует, – вмешался Вадим, – такое уж и бессмертие вы предлагаете? Даже у ваших серверов процессоры помирают от старости и износа, всякие там электроны ямки в кремниях выбивают.

– Вот скажите, – теперь вздохнул представитель «Цифровой Вселенной». – Что есть жизнь биологических организмов? Работа по обеспечению организма пищей для продолжения функционирования кучи второстепенных органов, производство одежды и жилищ для сохранения тем-

пературного режима, масса телодвижений для воспроизводства себе подобных и уже потом, так сказать, цивилизационный фактор, то есть деятельность на облегчение труда в тех же обеспечительных процессах. Сейчас 99,9 процентов такой деятельности – лишняя. Люди изобрели моду как средство удовлетворения тщеславия, а для производства еды, одежды, помещений достаточно простой программы, выполняемой роботами. Если уж те же роботы могут выращивать органические ткани, тем более им не составит труда изготавливать новые, как вы говорите, процессоры и по мере необходимости производить замену. Так что – вечная реальность.

– А как же дети? – синие глаза Кабанова буравили вербовщика. – Электрон в протон залетит? Как же родительская радость?

– Вы не замечаете, – не отводя взгляда, отвечал Агелов, – что сводите деторождение к своему чувству – родительской радости? Так такой радости у вас будет сколько угодно – это же обычные изменения в мозге.

– А, скажем, землетрясение, метеорит и так далее, – не унимался Вадим, – и бац, нет ваших серверов, и закончится вселенная.

– Все когда-то кончается, даже вселенные. Но неужели вы думаете, компания не предусмотрела такие очевидные вещи? Центров будет много, они будут расположены в различных местах и условиях, в том числе и в космосе. Представьте: на орбите земли вращается космический корабль, а по сути

– целая вселенная!

– Что скажешь?

Друзья сидели на кухне у Кабанова и рассматривали выданные гаджеты.

– Крупноват, тяжеловат, – Дмитрий подкинул на ладони смартфон, – но приноровиться можно.

– Подзарядка от всего, что можно, титановый корпус, в огне не горит, в воде не тонет. – повторил слова вербовщика Нестеров. – А насчет контракта? Можем отказаться в любой момент, всего-то смартфон вернуть. А пока попользуемся.

– Не знаю, все равно мутное это дело. Не может быть бесплатного сыра! Слишком все замечательно: и бесплатная связь, считай, по всему миру, и интернет, и мультимедия. И все за так, только пользуйся, веди себе дневничок, помрешь, сразу окажешься в цифровом раю. Не кажется подозрительным, что только после смерти активируется цифровой двойник? По сути, какая разница: можно и здесь и там существовать – вселенные параллельные.

– Знаешь, что я думаю? – Вадим постучал ногтем по дисплею «параллельной вселенной». – Страшно олигархам помирать, вот и выдумали себе игрушку – замену физического мира виртуальным, а мы типа статистов, им же неинтересно только самим с собой общаться, надо какой-никакой народец подобрать. И специально тебя никто убивать не собирается, пожил здесь, перекочевал в компьютер.

– Возможно.

– Так и есть! Я тут подумал вот еще что. – Нестеровские глаза округлились, брови поползли вверх. – К этой самой цифровой вселенной теория большого взрыва никак не подойдет. Получается, нули с единицами можно в какой угодно последовательности составлять. И тогда можно смоделировать прошлые ситуации. Понимаешь? Можно будет во времени путешествовать!

– Ты снова про упущенные возможности?

– Я в эту штуку все закачаю, фотографии баб, характеристики им дам, все варианты испробую...

– На пробник ничего не намотай, Казанова.

– А, вирус цифровой, качнул Касперского, сразу здоров.

– Обещают все взаправду, болезни тоже.

– Мало ли, что обещают, примем за условие, что изобрели таблетку от всех болезней. А ты куда бы мотанулся во времени?

– В 13 век, к монголам.

– Куда?

– К Чингиз-хану. Мочкану его, когда он еще Темучин, тогда Русь в моей вселенной останется Русью.

На экране ноутбука возникали слова:

– Пройдет несколько лет, и мое детище будет приносить сверхприбыли. Старики вместо того, чтобы оставить нажитое детям, будут нанимать специалистов по оцифровке их воспоминаний, родители отдадут последнее, чтобы общаться с образом своего погибшего ребенка, тешась иллюзией о

параллельном мире, для молодежи эта будет суперигра, позволяющая осуществить все мыслимые фантазии. Цивилизованная часть человечества быстро перейдет на новый – цифровой уровень. Эти толстосумы думают, мной движет жажда прибыли! Им и в голову не приходит, насколько велик мой замысел!

Христос, Мухаммед, Будда... Наполеон, Гитлер, Сталин... Все хотели сделать мир лучше. Все ошиблись в выборе материала. Пока человек заключен в хлипкое тело, пока он зависит от болезней, пока его разум зависит от тела – это не совсем человек, это больше животное.

Ницше со своим сверхчеловеком – распиаренное ничтожество, блуждавшее в темной комнате своей черепной коробки, занятое поиском сложного в простом! Живи он в наше время со своей опухолью мозга, он бы говорил по-другому. Его сверхчеловек был бы из кремния и стали с атомным источником энергии!

Такую расу сверхлюдей создам я! И Христос и Гитлер – все они пустое место против меня. Мои люди не будут знать страха, потому что их разум будет обладать искусственным телом, не знающим боли. Мой сверхчеловек не будет обременен состраданием, он будет выполнять приказы! Те, кто добровольно не оцифрует свой разум, будут уничтожены. Создание цифровой вселенной – вот абсолютная реальность стать богом. И этим богом стану я!

Пожилой мужчина снял шлем, промокнул платком мор-

щинистый в пигментных пятнах лоб, пробормотал:

– Вместо шлема надо придумать что-то другое. Очки, например, а магнитные контуры собрать в дужках.

Нобелевский лауреат положил шлем на стол и руками дополнил текст:

– Так же как всемогущ бог, я сделаю вселенную уничтожаемой. Не понадобятся бомбы и ракеты, достаточно вирусной программы. «Формат-С», и даже от сверхлюдей останутся куски металла и искусственной кожи.

04.01.2016

Многоходовочка

20** год. Москва, Кремль. Особой важности.

Я устал, я ухожу. Учитывая сложную политическую и экономическую обстановку в стране, своим преемником назначаю Тарзана Мойдодырова.

– Как вам? – президент улыбнулся, поджав губы.

Он повернул ноутбук для обзора двоим самым доверенным лицам.

– Надо сделать так, чтобы проект подсмотрели американцы.

– Распечатаем, на окно положим? – выпучил глаза уса-тый. – Ихнии беспилотники сфотографируют.

– Есть более технологичный метод, Кусков. – подал голос дебиловатый на вид господин.

– Говори, умник. – повелел президент.

Умник протянул руку и пощелкал по клавишам.

– Я файрвол отрубил, парни из Майкрософта уже читают проект закона.

– А еще что они читают, дебил? – мрачно спросил президент.

– Ну, это, вот это все. – понял ошибку премьер.

– Хорошо, на этом нубуке я только порнуху смотрю.

Кусков засмеялся шутке начальника.

Вашингтон, Белый дом.

– Это серьезно? – глаза президента стали по пять долларов.

– Таковы данные разведки. – развел руками помощник.

– Академик и воин, – протянул президент, – герой и гордость России. Вполне реальный кандидат.

Президент задумался.

– Надо, чтобы об этом узнали сауды и вся их ****анутая джамахирия.

– Есть, господин президент.

Пустыня, оазис, дворец.

– Думаешь, получится? – рука эмира провела по серебру бороды.

– Прецедент был, светлейший, – воздел руки собеседник, – иншалла.

– Тогда кафира сменил кафир. – белые брови эмира сошлись в одну линию.

– Их страна уже на половину правоверная, а вторая половина – бараны.

– Что ж, поможем, чем можем, – сверкнул зубами эмир.

– Опускай цену до 8 долларов за баррель.

Москва, Кремль.

– Аркаша, шалом! – президент не скрывал ликования в голосе.

– Боре физкультпривет. Скупайте нефть, весь бюджет в вашем распоряжении. Навар делим как обычно.

Президент нажал кнопку отбоя, улыбнулся.

– Как говорят в народе – многоходовочка.
2016

Настоящая революция всегда приходит неожиданно

Часть 1

1914 год. Поздняя осень. Где-то в районе Баку.

Бесконечное черное небо протыкано мириадами звезд, с моря тянет мазутом, солью и специями, цикады скрипят панцирями – бархатный сезон.

Трое мужчин друг за другом карабкаются по горной тропе.

– Пока Луна не встанет, так и будем корячиться как негры в трюме. – проворчал шедший первым амбал под два метра ростом. – Может, курнем пока, Мага?

– Шагай, Муслим, вон уже край пригорка виднеется, там никакой Луны не надо, все как на ладони будет. – в спину амбалу ответил Магомед.

Полоса, разделявшая серую темень и черное полотно со шляпками звездных гвоздей, резче обозначилась двумя красными точками, спустя несколько мгновений ветер донес аромат папирос.

– Эй, кто идет? – крикнули с пригорка. Характерный щелчок выдал взведение револьверного курка.

– Свои. – Муслим пригнулся, обернувшись, спросил: – Чё говорить-то?

– Скажи «Парол-Марол». – Магомед достал из кармана

портсигар.

– «Парол-Марол!»

– Проходь.

Пригорок осветился – один из караульных откинул ткань с керосиновой лампы.

– Значит так, начнется кипиш или меня не будет на выходе, – зашептал Магомед, – вали всех, здесь союзников нет.

– Да не в первой, чё ты, Мага!

Прибывшие перемахнули пригорок, как и было обещано, теперь можно было разглядеть пункт назначения: внизу за очертаниями деревьев просматривались каменные стены приземистого дома.

– Эй! – встревожился караульный. – Сказали, двое будет, а вас трое!

– Двое и будет. – Магомед достал папироску, прикурил от спички, поднесенной амбалом. – Муслим с вами останется, а мы вот с, – усмехнулся, – товарищем пройдем.

– Правила знаете. – караульный поднял лампу, на разложенной в траве бурке матово заблестело оружие.

– Знаем. – Магомед достал из пиджака револьвер, из-за голенища финку. – У товарища нет ничего.

Один караульный принял оружие, второй уважительно обшмонал Магу и «товарища», а Муслим стал третьим в блатном карауле.

– А, Магомед, заходи дорогой! – из-за стола поднялся дородный кавказец по виду армянин. – Как раз к шашлыку по-

доспел.

– Салам ворам!

– Представь гостя людям, дорогой!

– А это у нас товарищ Иван Иванович Иванцов. – усмехнулся Мага. – И никак иначе.

– Вот оно значит как! – покачал головой армянин, разглядывая гостя, затем развернулся к разномастной кодле: – Иван Иванович, да еще Иванцов!

Вновь повернулся к гостю:

– Ц-ц-ц, да к тому же товарищ!

Блатные заготовали, но сдержанно.

– Вот уж гусь свинье, но раз за товарища сам Мага ручается, то давай, товарищ, двигай к столу, будь как дома.

– Магомеду все собравшиеся знакомы, а я не знаю, с кем разговариваю, что, согласитесь, не канает для серьезного базара.

– Что ж, мы от людей не скрываемся!

Армянин обвел рукой стол, за которым собрались блатные.

– Все люди уважаемые, со всех краев империи: Гоча Тифлисский, Вальтер из Ростова, Вадик Белый, Миша Кореец, Тимур Шалинский, Боря Ушатый...

Вор в законе еще долго называл погоняла коллег, державших масть в регионах Российской империи.

– А меня Камо Ереванским кличут. Вот такой у нас интернационал!

На лицах воров оскалились улыбки.

– А ты каковских будешь? Я так понимаю, еврейских кровей?

– У деловых людей нет национальности. – сверкнул глазами Иванцов.

Блатные замерли на мгновения, стих звон ложек-вилочек.

Нарушив тишину, звякнула тарелка – изо рта Гочи Тифлисского выпал кусок баранины. Глаза у Гочи полезли из орбит, с уголков блестящих полных губ потекли капли жира.

– Аха-ха-ха – зашелся кавказец, – значит, если выбирать буду подельника, я не брату-племяннику единокровному работу дам, не его семью обеспечу, а чужому дяде долюню отстегну?

Деловые люди загоготали.

Камо хлопнул Иванцова по плечу.

– Ладно, садись за стол, поешь, потом побазарим.

Иванцов сел на свободное место, нисколько не тушуясь, положил в тарелку два куса баранины, зелень, налил водки в стакан.

– Ну, вечер в хату, бродяги! – Иван Иваныч опрокинул стакан в глотку, выдохнул, скривившись, занюхал соленым огурцом. – А говорят – сухой закон, кокаин проще достать.

– И кокаин и морфин и водяра – все есть! Но мы не понты кидать собрались, давай Иван поешь, потом разговор держи.

Иванцов кивнул и принялся за еду, а блатные, оживившись, на свой лад продолжили комментировать мировые со-

бытия.

– Коля-дурик послал мужиков, сербов защищать... Друзей, братьев по вере, иху мать!

– Таких друзей за х*й и в музей! Братушки, бл*дь, отуреченные, с какого перепуга их братьями объявили, не пойму?

– Как же, русским только покажи уважение дутое, так они грудь надувши последнюю рубаху отдадут младшим, а по чесноку хитрожопым братушкам, лишь бы себя героями почувствовать.

– Героями, ага. – повторил Вадик Белый. – Рабским душонкам оправдаться охота за чмошность свою! Нет, чтобы пославшего их дурака на штыки поднять, они умирать за веру, царя, отечество идут. Какое на*уй за границей отечество? Вот полезут в твой дом, тогда смерть принять, защищая, дело святое!

– Я слышал, их полковник Чернорук *уем по столу в Европе бил, русским медведем грозил, его на *уй послали, он Мирбаха и заказал евреям-анархистам.

– Не, не анархистам, там придурошный один нашелся, в историю захотел...

– А дурик наш на своего брата-немца войска двинул, за Цусиму, вишь, реванш захотел...

– Ладно, братва, что случилось, то случилось, – поднялся Мага, прерывая разговоры, – послушайте мысль, как дальше жить. Интересная мысль, как Россию делить будем.

Иванцов вышел из-за стола, встал в центр хаты: ноги на

ширине плеч, грудь вперед, глаза алмазами.

– Прежде ответьте на вопрос, что для человека важнее всего?

– Деньги!

– Оружие, власть!

– Для мужика – семья, для вора – воровской закон.

– Для человека важнее всего то, чего у него нет. – сказал

Иванцов. – Для холопа это честь, величие.

– Верно базарит! Каждый чмырь хочет, чтобы его боялись!

– Ты по делу базарь, товарищ! Чего заявился, от нас-то чего надо? Мы в политику не лезем.

Иванцов исподлобья посмотрел на воров.

– Так и будете мелочь по карманам тырить, по тюрьмам гнить, на пятом десятке, а то и раньше, деревянный макинтош примеривать? Жить надо достойно, как положено деловым людям! – Иванцов буквально каждому впивался в глаза взглядом. – А политика равняется власть, а власть равняется прибыль, а прибыль это все – деньги, оружие, закон, здоровье, жизнь! А мы достойны жизни, потому что не горбатимся на дядю, и никогда не будем, и никто нас не заставит!

Последние слова Иванцова заглушил одобрительный гул и выкрики:

– Правильный базар!

– Не будем горбатиться, пущай мужики пашут!

– И не надо ее делить, как выразился уважаемый Маго-

мед. – продолжил Иванцов. – Огромная территория досталась нам от Батыя. Хотя на севере одни медведи с голодухи пухнут, зато смотрите: реально есть чем гордиться, а народу чего надо? чтобы сам себя чмошником не считал! Вот на этом и построена идея.

Блатные заворчали:

– Народец тухлый, давно живет "не нае*ешь, не проживешь", "слово дал, слово взял"...

– Не все, есть гордецы-умники, дворяне разные, разночинцы-студенты со взором горящим...

– Вот таких и повывести надо, сравить с быдлом, пущай порежут друг друга...

– Такие вот умников английских-немецких начитаются и давай народ баламутить. – повел базар Вадик Белый. – А Маркс ихний чего говорит: от каждого по труду, каждый должен трудиться, жизнь у него для этого человеку дана: все должны получать за труд одинаково, чтобы ни бедных, хаха, ни богатых не было.

– Вот! – Иванцов ткнул пальцем как штыком в Белого. – В самую тютельку! Тут и самый смак: массы работают, единицы контролируют, суммируют и распределяют результаты труда.

– А распределять кто будет?

– Вот мы и будем распределять, и никто нас не притянет ни за слова ни за дела. Нет, для порядка попок поставим внизу, типа, они движуху самую осуществляют, над ними такие

же попки контролеры и так далее.

– Это сколько ж надо контролеров над каждым попками, каждых кормить надо...

– Ничего, – успокоил Иванцов, – зато самый верх всегда в шоколаде, не подкопаешься! Да и подкапываться некому будет – основная масса в дерьме, никто не рыпнется, а чуть что – к ногтю за нелюбовь к родине!

– Ага, по этапу в Сибирь мошку кормить.

– Не, тут надо по-другому, лагеря трудовые организовать, всех недовольных туда, пушай задарма работают, пользу приносят типа родине!

– А чтобы недовольных не было, надо каждый раз новую мулю втюхивать через газеты там, агитаторов: мол, сейчас плохо, потому что англичанка воду мутит, мерикосы камчатку хотят, китаезы сибирь, зато потом рай на земле...

– Гладко чешешь. – бас Камо наложил на гомон воров. – А практически как все провернуть? Нам, что ли, пойти царя грохнуть? С жандармами воевать предлагаешь? Так лучше на зону, чем в деревянный макинтош!

– Вы – воры, самая активная часть населения, пассионарии!

– Ты за базаром следи! Мы таких слов не знаем, огорчиться можем.

– Хорошо, – согласился Иванцов, – правильно, не буду опускаться до интеллигенции. Так вот, вы, воры, живете не по закостенелому закону правящего класса, а по понятиям,

в корне которых справедливость! Разве справедливо, когда последнее чмо в мундире, дворянин-ублюдок, жирный купец-паук спят на кружевах, трахают самых красивых баб, жрут рябчиков с ананасами, а мы, лишенные страха и предрассудков, не раз глядевших в глаза смерти и не убоившиеся ее, хитрые как лисы и умные как волки, должны перебиваться с воды на квас, одеваться в лохмотья, гнить по тюрьмам только потому, что родились не у тех родителей?

– Правильно базаришь!

– Так и дальше чего, как быть-то?

– Про семинариста слышали? – Иванцов обвел глазами братву. – Как он карету банковскую ломанул?

– Кто не слышал! Лихо он жандармов почикал, большие деньги взял!

– Вот! Без жалости к мундирам! Взял двести пятьдесят кусков! Вам известно, часть передана в общак, а остальные пошли в дело: закуплено оружие, подмаслены нужные люди, мужикам перепало для интереса.

– То есть наше дело шкурой рисковать, для вас революционеров бабло заработать, а вы там свою власть установите?

– Революционеры, контреволюционеры, царизм, демократия – это все слова. Всегда были управляющие и управляемые, волки и овцы – это раз. Вы социально близкий нам класс. Во-вторых, без риска какой гешефт бывает? В-третьих, на жандармские винтовки мужики пойдут, а не мы. Сейчас мужичью царь-дурачок винтовки выдал, и полково-

дец нарисовался картавый, брат висельника – Вова-псих...

Часть 2

2017 год. Ранняя осень. Москва.

– Самую простую машину взял. – сжимая руль Рэнж Ровера, ворчал водитель, всматриваясь в лобовое стекло. – А все равно, как бы не опрокинули.

– Ты бы еще Газель взял. – прошипела блондинка в стиле Мерилин Монро. – Валера.

С такой интонацией прошипела, будто охранник с таким именем по крайней мере должен быть Терминатором.

– Я бы и взял, Татьяна, только в вашем гараже отечественных авто не держат. – огрызнулся Валера, интонация которого выдавала не только служебные отношения с молодой женщиной.

Ровер медленно двигался по проезжей части, заполненной преимущественно молодежью и подростками. Молодые люди неохотно уступали дорогу, заглядывали в салон через тонированные стекла.

– Вот чего им не хватает? – вздрогнула от удара по кузову «Мерэлин Монро». – Сыты, одеты, обуты, акселераты с большими мудами, у каждого вон айфон в руках.

– В городах никто не взрывает, как в 90-х. – дополнил водитель – мужик лет пятидесяти, возраст которого выдавала лишь седина и морщины вокруг глаз и у рта.

– Не говори! Из такого дерьма вылезли! Не СНГ могло получиться, а ФТБР какой-нибудь – феодальные территории

бывшей России. Тогда бы не с айфонами ходили, а с пейджерами с китайских помоек. В 90-е только такие как мой муж и спасли страну от развала. Тогда у всех, между прочим, равные возможности были! Как Боря сказал: «Бери суверенитета сколько сможешь». Одни рисковали, другие по-рабски зарплаты месяцами ждали. Кто выжил – поднялись, а кто лохами были, те лохами и помирают сейчас, и дети-внуки их лохами живут. Сейчас чтобы чуть подняться, им одна дорога – в менты или в контрактники. Будешь патриотом, будешь исполнять приказы не рассуждая, будешь жить сносно, родителей кормить, чего не понятно! Так что эта молодежь еще спасибо должна власти говорить!

– Смотри, лозунги какие: «Сирию не бомбить!», «Донбасс не кормить!» А помнишь: «Кавказ не кормить!» А как его не кормить, там же горы, народ не то чтобы не любит работать, не приучен просто, вот горцы и привыкли разбойничать, так правильно их закармливают: еще немного совсем разжиреют, подобрают, навыки постраеряют...

– Или совсем обнаглеют, – проворчал Валера, – а навыки, которые в крови, и за сто лет не пропадут.

– Если не кормить, – заливалась соловьем Татьяна, – тогда уничтожать, а чтобы уничтожать, надо воевать умеючи! Как бы ни гордились, а никогда воевать не умели после того, как монголы мужчин вырезали. Москву то монголам, то татарам, то крымцам, то полякам, то французам отдавали, ссылаясь на гений полководческий. Немцам бы сдали в 41,

потом, конечно же, объявили бы: «стратегия!» Только генерал мороз и спасал. Зато в учебниках – завоевали в кавычках одну шестую земного шара! Завоеватели фуевы. В Сибирь чукчам да медведям царя навязали. Вон Антарктиду никто не завоевывал, потому что на хрен не нужна никому. И здесь так же. На карту посмотри: все города в европейской части, а там, где 10 месяцев зима, деревень раз-два и обчелся. Богатства земные! Да сдохнешь, пока накопишь. Туда только смертников или роботов посылать, чтобы профит был. Вот китайцы изобретут нанокостюмы вместо унт и ....

– Твою мать! – Валера резко затормозил, чуть не сбив бабу на перекрестке. – Вот куда старая на красный прется! Сейчас дорогу перебежит, запыхается, полчаса будет стоять легкие вентилировать.

Татьяна, повертев головой, пристегнулась.

– О чем я? Ну да, новое завоевание – Крым присоединили! Вежливый референдум в Крыму провели! А в России почему референдум не провели, не спросили народ, нужен вообще этот Крым? Или регион такой доходный? Да хрен там, столько уже бабла в него втюхали, проще было выкупить за те же деньги, а Курилы продать, япона-мать! Вот и жили бы в мире со всем миром, нет же – скрепы-фуепы, империя! Завоеватели голозадые!

– Татьяна, ты сама знаешь, почему был разыгран Крымский сценарий.

– Да знаю! – Блондинка стукнула кулаком по приборной

панели. – Но неужели нельзя было по-честному сказать: «Вот мы жили хорошо, было время и деньги построить частную экономику под контролем государства, но вы не захотели поработать, все по Турциям-Египтам промотали. И мы совершили ошибки. Поэтому теперь придется ужать расходы и поднапрячься, потому что цены на нефть снизились». Тогда бы и с миром не поссорились, и пережили эти года без вот этого всего! Нет, надо было выдумать «Крым наш» и «Новороссию», и нормальную реакцию мира на аннексию и стрельбу по гражданским самолетам выдать за причину всего пиздеца! Крым с распятыми мальчиками надоел, теперь в Сирии пиздами с американцами стали мериться. На Кавказе свой ИГИЛ пальцы гнет, а в Сирии ихний Янукович майдан не может разогнать, помочь надо. Вот ты все про Сирийские командировки отмалчиваешься, а скажи, как там на самом деле? Может наша армия воевать?

– Все не так как по телевизору. Правду не покажут и не расскажут, и это правильно. А воевать армия умеет, только...

– Что только?

– Только не будет.

– Вот, значит, правильно я думаю, это тебе не сорок первый год, помирать за какого-то Асада дураков нет.

– Эх, Танюша, дураков в стране много, денег мало.

Валера помолчал, затем зафонтанировал словами:

– И не дураков даже – дурость превратилась в норму.

Народ деградировал: отрицательная селекция, понимаешь!.. Это во всем видно, чего ни коснись. Пословицы, поговорки похабно-блатные: «не на*бешь – не проживешь», «от работы конидохнут», «работа – не волк». Сама речь, постановка вопроса: в каком еще языке возможен такой ответ: «да нет наверно». Вот отсюда все и идет – слова для народа что мусор, никакой ответственности. Поэтому и куча всяких бумаг для подстраховки, бюрократии всякой. Когда в нормальных странах просто стукнули по рукам – договор, который дороже денег, заключен. Отсюда и ответственность соответствующая. Те же фильмы про ковбоев: какая у них дуэль – стоят двое, на поясах револьверы, руки на виду, как у одного рука полезла в кобуру, все – они в равных условиях, обратного пути нет. В России как было бы – полез, отдернул, еще и со смехуечками, вот на*бал, ха-ха. Хотя пастух в России с револьвером – даже представить невозможно!

– Все здесь шиворот-навыворот, – тихо, как про себя, продолжал Валера, – подмена понятий ради оправдания рабской сущности. И зависть к богатству, да что к богатству, к простой сытости: здесь же как, если толстый, значит богатый, сильный... Добрый, епт твою мать! А привычка семечки лузгать! В какой еще стране семечки лузгают? От голодухи все, лишь бы жевать что-нибудь.

– «Добрый». – тихо повторила Татьяна и чуть не взвизгнула: – Здесь доброта признак слабости, а слабость ух как любят! По-своему, по росиянски! Добрый – не обижаешь, зна-

чит, боишься обидеть, а раз трус, уважать тебя нельзя, значит, тебя надо обидеть.

Валера бросил взгляд на женщину.

Татьяна смотрела перед собой и как будто продолжала речь водителя-охранника-любовника:

– Думаешь, почему русские так сирых и убогих любят? Себя они любят, рабские души! Импонирует чмошникам, что есть людишки еще хуже живущие. Отсюда и лучшая радость – злорадство! Поэтому и новости все о плохом смаку-ют, других новостей, впрочем, не сообщают, что и неудиви-тельно: кому интересно о хорошем знать, а вот когда с други-ми плохо – заболел, умер, разорился – вот для плебса развле-чение. На самом деле тешат свои тщеславные душонки. Тще-славие здесь вообще запредельное – выкладывают на обзор-ное свое нижнее белье в социальных сетях, матом друг дру-га обкладывают, зная, что им ничего не будет за слова. Хотя как обкладывают: про чеченов чуть не так вякнут, сразу из-виняются, размазывая сопли по монитору – знают, борода-чи могут не полениться и найти, едальник начистить, баш-кой об асфальт стукнуть, а то и продырявить насовсем. Вот их уважают и скоро ой как полюбят! Портреты носить будут героев России. Какой еще народ так любит своих палачей – Ивана Грозного, Сталина? Какой еще народ заклинает: «Нам нужна сильная власть!» Все от чмошности той же – если тебя пиз*ит и соседа, а ни у тебя ни у соседа нет смелости взбун-товаться, значит, надо боготворить того, кто пиз*ит!

– «Мы-мы!» Зомбируют народ георгиевскими ленточками: «мы можем повторить», «мы помним», мы... мы... чтобы серая масса мычала, чтобы все думали одинаково, а массовым сознанием рулить и дешевле и приятнее. А умных-разумных, честных и работающих власти не надо! Те ведь и осознать свою значимость могут, индивидуальность! А отсюда и до вопроса к власти недалеко: а ты кто такой, чтобы так *уево всем руководить? А здесь кто вообще работает? Страна таксистов, продавцов и охранников. Все друг другом управляют, бумаги возят из одного управления в другое, торгуют китайским барахлом, это же барахло сторожат.

– А балласта сколько! Зачем элитке нужны старые, слабые и дурные, пенсионеры, инвалиды, блогеры всякие? Сам знаешь, нужны только люди, занятые в газо– и нефтедобыче и продаже сырья за границу, военные нужны, чтобы из той из заграницы на запасы никто не покушался без ведома, полиция нужна, чтобы изнутри никто не мешал, а остальные балласт, который должен вымереть без шума и пыли до наступления пенсионного возраста.

– Ты спросишь, а как же вот это все более лучше и веселее? Торговые центры, олимпиады, праздники-салюты? А это все нефтенденьги, те самые нефтенденьги, которые граждане наши считают прикарманенным народным достоянием... тот же самый бизнес по-российски – взять в банке нефтенденьги, купить в Китае товар и продать его с накруткой в 300 процентов своему брату россиянину опять же за нефте-

деньги – брат россиянин за свою работу охранником, таксистом, продавцом-менеджером что-то произвел? Нет, зарплата у него из тех же нефтяных денег. Покупает бизнесмен рыбу вместо удочки, потому что рыбалка – это труд и терпение, а потом уже удовольствие.

И люди здесь не работают, а имитируют работу. А почему? Да потому что оплата труда несправедливая, к тому же менталитет отравлен: проще спиз*еть или отобрать, чем заработать. А там, на западе, давно поняли, что по справедливости жить выгоднее. Здесь как: придумал что-то, неважно, изобретение, в науке, в литературе, результат интеллектуального труда – так спиз*ят сразу, не докажешь и не возместишь ничего, а там – придумал, получил авторское право и обеспечен на всю жизнь, да еще потомкам останется. Вот поэтому там и технологии и открытия и прогресс.

Продукт умственного труда и в голову никому не придет украсть, скачивать те же фильмы, книги с торрентов. Поэтому там и блокбастеры снимают, писатели головы ломают над сюжетами, потому что окупается это дело. Кстати, заметил, голливудское кино по всему миру нарасхват, а такого же качества японское, например, только для японцев? Вот нам не в удовольствие смотреть азиатские фильмы с расово другими актерами, другим менталитетом, так же и англосаксонцам не в удовольствие смотреть кривляние наших, – Татьяна сделала пальцами знак кавычек, – актеров – лица ордынские как смазанные, подбородки скошенные узкие, носы

картошкой, щеки пузырями. Сюжеты ворованные, диалоги детьми написаны, а снято за копейки: весь бюджет сразу после утверждения попилен.

– А этот Навальный, – Татьяна наконец добралась до виновника происходящей смуты, – вот что за фрукт? Дурак конченный? Вроде, нет. Романтик? Не смешите мои сисяндеры! Проект Кремля, раз жив пока? И вот абсолютно гипотетически: не убили его пехотинцы, допустили до выборов, выбрали, нет, представь, выбрали его президентом. И что, изменится все сразу? Да и не сразу, изменится, думаешь? Хрена с два! Кто его инициативы исполнять будет? Все те же, все там же. Менты на местах останутся с тем же менталитетом подонка, военных генералов толстопузых, полковников-бездельников тоже не поменяешь в одночасье, а за зарплаты они ой как будут держаться! Чтобы все переделать, нужна команда, сподвижники-передвижники нужны, железный кулак нужен. Как там: «Добро должно быть с кулаками». А как ты этим самым кулаком весь народ прессовать будешь? Сразу в диктаторы запишут, опять про лес рубят, щепки летят, будут говорить. А кто будет знать щепка это или сук? Здесь опять исполнитель главный, а исполнители собираются в свою команду, и пошло-поехало, а Алеша будет стул пропердывать, глаза пучить: «Почему не получается ничего?» И не получится, пока народ не поумнеет, пока не будет выходить на улицы по каждому поводу и не сотнями-тысячами, а миллионами. И совсем не интеллигенты из-

меняют Россию. Интеллигенты, да, они любить умеют. С надрывом, красиво, на публику. Вроде как Россию любят, а на самом деле себя они любят больше всего. Так же как любой человек, конечно, только им надо красивую рамку. Гордыня, тщеславие, как говорится, вот это все. Любовь – это в большой мере сострадание. У интеллигентов сострадать хорошо получается – рефлексируют они замечательно, образцово, можно сказать. В этом и беда – физическую боль представляют заранее, поэтому страшатся, поэтому чем больше эмоций, тем слабее. Простой мужик он ебнет стакан, и ...

Бах! Татьяна подпрыгнула в кресле, Валера топнул на педаль тормоза, совершив роковую ошибку. Они разом оглянулись, в черном стекле задней двери белела паутина трещин.

Бах! Стекло глухо взорвалось, осыпавшись в салон, в рамке из осколков возник мужик в балаклаве с битой в руках.

– Ах, ты гандон! – прошипел Валера, вытаскивая ПМ из наплечной кобуры. – Я сейчас...

Вместо того, чтобы тараня толпу, быстрее покинуть место происшествия, Валера открыл дверь и с пистолетом на перевес выскочил из Ровера. Сразу же получил трубой по голове, Татьяна услышала треск, с которым бьются арбузы. Валера исчезал из поля зрения, а Татьяна уже слышала новый бах. Белые волосы осыпало осколками, блондинка, втянув голову в печи, обернулась: как в замедленной съемке в разбитое стекло тянулась рука, пальцы нападавшего потяну-

лись к кнопке блокировки двери. Дверь распахнулась, на Татьяну уставился настоящий русский бунтовщик – щекастый, нос картошкой, глаза мутные, злые:

– А ну вылазь, манда!

Хамское выражение как пощечина привела Татьяну в сознание, время снова потекло с нормальной скоростью.

– Что это такое? – закричала блондинка. – Да знаешь, кто у меня муж?

Тут же одумалась:

– Мой муж честный депутат! Он же за вас жизнь отдал!

– Ананасам подавился? – ухмыльнулся унтерменш. – Кончилось ваше время – Революция!

– Какая еще революция? Ты что несешь, дурак?

– А такая революция! Настоящая! Которая всегда приходит неожиданно.

2017